М. Туллій Цицеронъ.

ФИЛОСОФСКІЕ ТРАКТАТЫ

О СТАРОСТИ И О ДРУЖБѢ.

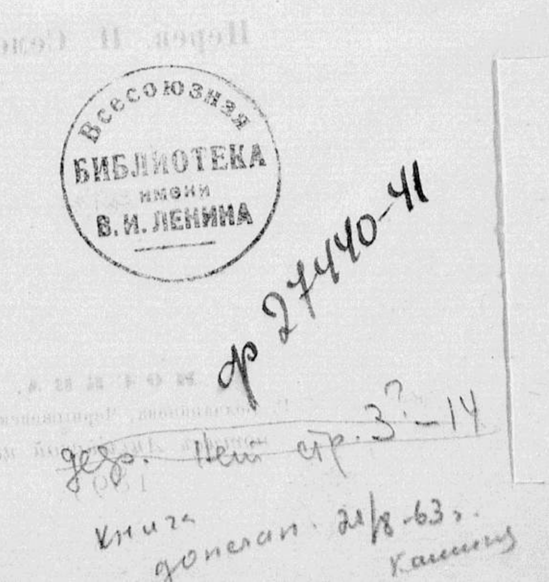
Перев. И. Семенова.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Чернышевскій пер., д. Пустошкина
противъ Англійской церкви.
1893.

Дозволено цензурою. Москва, 20-го Ноября 1892 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Субстанція міра, по Цицерону, есть божественная мысль. Человѣкъ самъ по себѣ, какъ понятіе, какъ родъ, составляетъ одинъ изъ моментовъ развитія этой божественной мысли. Душа человѣка, какъ характерная особенность этого момента, имѣетъ своей субстанціей ту же мысль, и составляетъ основную сущность человѣка. Слѣдовательно, мотивъ жизни и дѣятельности человѣка есть мыслящій духъ. Жизнь этого духа въ его нормальныхъ проявленіяхъ есть жизнь ума, нравственности, права: принципы человѣчности (virtus). Явленія жизни плотской имѣютъ второстепенное, служебное значеніе, какъ необходимая уступка тѣлу. Предлагаемые трактаты имѣютъ своимъ содержаніемъ проявленія мировой субстанціи—божественной мысли и въ частности сущности человѣка, духа въ двухъ сторонахъ человѣческой жизни—жизни личной, индивидуальной и въ сферѣ частныхъ, взаимныхъ отношеній.

М. ТУЛЛІЯ ЦИЦЕРОНА.

КАТОНЪ СТАРШІЙ

О СТАРОСТИ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

„Титъ, если я помогу тебѣ сколько-нибудь и облегчу ту муку, что терзаетъ тебя и, запавши тебѣ въ душу, тревожитъ ее, что будетъ наградой?“ Я имѣю право обратиться къ тебѣ съ такими же стихами, Аттикъ, съ какими обращается къ Фламинину „тотъ мужъ, что если не обладаетъ большими богатствами, то обильно владѣетъ честностью“, хотя я навѣрное знаю, что ты, не какъ Фламининъ, не „тоскуешь такъ день и ночь“. Мнѣ знакомо спокойное самообладаніе твоей души, такъ что я вижу теперь, что ты взялъ у Аѳинъ не только свое прозваніе, но и пониманіе человѣческаго достоинства и практическое развитіе ума. И все-таки несмотря на это, я подозрѣваю тебя, что ты иногда сильно волнуешься тѣмъ же самымъ, чѣмъ и я самъ; бесѣда объ этомъ имѣетъ сравнительно важный характеръ, а потому надо отложить ее до другого времени. Теперь же мнѣ хочется написать тебѣ нѣчто о старости. Я, можетъ быть облегчу, и тебя и себя отъ этого бремени, общаго у меня съ тобой — или уже тяготящей или навѣрно подходящей старости: хотя я вполнѣ увѣренъ, что ты-то переносишь и будешь переносить ее, какъ и все, спокойно и разумно. Но когда я хотѣлъ писать предлагаемый трактатъ „О старости“, я остановился на тебѣ, какъ на лицѣ, достойномъ того подарка, которымъ мы могли бы пользоваться оба вмѣстѣ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ пріятно стало во

время писанія этой книги, что я не только забылъ всѣ тяжелыя послѣдствія старости, но сталъ видѣть въ ней даже удобства и удовольствія. Никогда не въ состояніи будутъ люди вполнѣ достойно оцѣнить философію; если кто держится ея принциповъ, тотъ можетъ провести всѣ возрасты жизни, не находя въ нихъ неудобствъ. Остальныхъ вопросовъ мы и прежде часто касались и часто будемъ касаться; эту книгу я посвящаю тебѣ „О старости“. Всю рѣчь я влагаю въ уста не Тиѳону, как Аристонъ Хіосскій, — въ сказкѣ было бы мало авторитетности, — но М. Катону, старику, для того чтобы рѣчь имѣла больше убѣдительности. Я представляю, что Лелій и Сципіонъ, въ бесѣдѣ съ нимъ, удивлялись на него, что онъ такъ легко переноситъ старость, а онъ имъ отвѣчаетъ. Если онъ покажется тебѣ въ своихъ разсужденіяхъ ученѣе, чѣмъ является обыкновенно въ своихъ сочиненіяхъ, то отнеси это насчетъ греческой литературы, которой онъ, какъ извѣстно, сильно занимался въ старости. Что же еще? Рѣчь самого Катона изложитъ нашъ взглядъ на старость.

II.

Сципіонъ. Часто, М. Катонъ, я дивлюсь вотъ съ Леліемъ твоей выдающейся и совершенной мудрости какъ въ прочихъ отношеніяхъ, такъ особенно въ томъ, что я никогда не замѣчалъ, чтобы тяготила тебя старость, между тѣмъ какъ большинству стариковъ она такъ противна, что они говорятъ, что несутъ бремя тяжеле Этны.

Катонъ. Мнѣ кажется, Лелій и Сципіонъ, что вы удивляетесь явленію, на самомъ дѣлѣ не мудреному. У кого нѣтъ опоры въ самомъ себѣ для нравственно хорошей и потому счастливой жизни, для тѣхъ всякій возрастъ тяжелъ. А тѣ, которые ищутъ всѣ блага въ самихъ себѣ, для тѣхъ не можетъ казаться зломъ то, что приноситъ съ собой законъ необходимости природы. Здѣсь прежде всего надо назвать

старость, которой всѣ хотятъ достичь, а достигши винятъ ее: таковы непостоянство и непослѣдовательность отсутствія пониманія дѣла. Они говорятъ, что она подкралась скорѣе, чѣмъ они думали. Во-первыхъ, кто заставляетъ ихъ думать ложь? Какимъ образомъ старость подкрадывается къ возмужалости скорѣе, чѣмъ возмужалость къ младенчеству? Во-вторыхъ, какимъ образомъ ихъ менѣе тяготила бы старость въ восьмисотый годъ, чѣмъ въ восьмидесятый? Прожитый возрастъ, хотя и долгій, разъ минулъ, не можетъ никакого рода утѣшеніемъ сдѣлать пріятной неправильно веденную старость? Поэтому если вы удивляетесь моей мудрости — о если бы она вполнѣ соотвѣтствовала вашему мнѣнію и моему прозванію! — моя мудрость заключается въ томъ, что я слѣдую велѣнію (ходу) природы, наилучшаго вождя, какъ божеству, и держусь ея принциповъ: невѣроятно, чтобы она, организовавъ строго-логично остальныя части нашей жизни, не обратила, подобно небрежному поэту, вниманія на послѣдній актъ. Законъ необходимости требуетъ, чтобы былъ моментъ кончины и чтобы, какъ въ древесныхъ и земныхъ плодахъ, онъ представлялъ послѣ своевременной зрѣлости, такъ сказать, отжившее и близкое къ паденію, что разсудительный человѣкъ долженъ переносить спокойно. Какъ иначе, по примѣру гигантовъ, воевать съ богами, какъ не сопротивляясь природѣ.

Лелій. Ты сдѣлаешь, Катонъ, для насъ (я говорю и за Сципіона) весьма пріятное, научивъ насъ заранѣе, какой системы въ жизни держась, намъ можно легко переносить тяготящій возрастъ, такъ какъ мы надѣемся, хотимъ даже, конечно, быть стариками.

Катонъ. Я сдѣлаю это, Лелій, особенно если, какъ ты говоришь, это будетъ пріятно вамъ обоимъ.

Лелій. Конечно, мы хотимъ, Катонъ, если это не затрудняетъ тебя, посмотрѣть, каково то, куда ты пришелъ, какъ будто бы ты совершилъ какой-нибудь долгій путь, который намъ предстоитъ пройти.

III.

Катонъ. Сдѣлаю, какъ смогу, Лелій. Часто мнѣ приходилось быть при жалобахъ моихъ ровесниковъ — по старинной пословицѣ равные съ равными сходятся очень легко, — я слыхалъ обычныя жалобы Г. Салинатора, Сп. Альбина, бывшихъ консулами, почти моихъ ровесниковъ: то, что они лишены удовольствій, безъ которыхъ они не могутъ представить себѣ жизни, — то, что они пренебрегаются тѣми, кѣмъ обыкновенно уважались. Мнѣ же казалось, что они указывали не тѣ причины, какія слѣдовало. Если бы въ этомъ виновата была старость, то же случилось бы и со мной и со всѣми остальными пожилыми; а я знаю многихъ безропотныхъ стариковъ, которые не тяготятся тѣмъ, что они освобождены отъ узъ чувственныхъ страстей и не не уважаются своими. Вина всѣхъ жалобъ такого рода заключается въ нравахъ, а не въ возрастѣ. Умѣренные, уживчивые и неугрюмые старики проводятъ сносную старость; нетерпимость и угрюмость тяжелы во всякомъ возрастѣ.

Лелій. Такъ и есть, какъ говоришь ты, Катонъ. Но можетъ быть кто-нибудь скажетъ, что тебѣ кажется старость сравнительно сносной, благодаря твоему положенію, богатству, уваженію, но это не можетъ быть удѣломъ многихъ.

Катонъ. Это имѣетъ, Лелій, извѣстное значеніе, но сущность отнюдь не въ этомъ; напр. есть разсказъ, что когда какой-то серифіецъ въ жаркомъ спорѣ говорилъ Ѳемистоклу, что на немъ лежитъ блескъ славы не его собственной, но славы отечества, этотъ послѣдній отвѣтилъ: Клянусь Геракломъ! ни я, если бы былъ серифійцемъ, ни ты, если бы былъ аѳиняниномъ, могъ бы никогда не быть знаменитымъ. Это такимъ же образомъ можно сказать и о старости. При крайне стѣснительномъ положеніи старость не можетъ быть легка даже для человѣка, живущаго разсудкомъ; а для человѣка бѣднаго разсудочностью, даже и при обильномъ запасѣ всего,

она не можетъ быть не тяжелой. Вообще, самыя удобныя орудія противъ старости—наука и жизнь по принципамъ человѣчности, что культивируемое во всякомъ возрастѣ, какъ бы долго и много кто ни жилъ, приноситъ достойные удивленія плоды не только потому, что они никогда не оставляютъ человѣка, даже въ послѣднее время жизни, — хотя это уже весьма важно и потому, что сознаніе хорошо проведенной жизни, а вмѣстѣ и воспоминаніе многихъ хорошихъ поступковъ весьма пріятно.

IV.

Будучи юношей, я такъ любилъ и уважалъ Кв. Максима, старца, того, который взялъ Тарентъ, какъ сверстника. Въ этомъ человѣкѣ серьезность была соединена съ обходительностью, и старость не измѣнила его характера. Я познакомился съ нимъ, когда онъ былъ, правда, очень не старъ, но все-таки уже въ годахъ преклонныхъ. Онъ былъ въ первый разъ консуломъ спустя годъ послѣ моего рожденія; въ четвертое его консульство, я, юношей, отправился къ нимъ въ качествѣ простого солдата къ Капуѣ, а пять лѣтъ спустя къ Таренту. Спустя четыре года, я сдѣланъ былъ квесторомъ, каковую должность исправлялъ въ консульство Тудитана и Цетега, а онъ тогда уже въ преклонной старости выступилъ защитникомъ I. Cincia de donis et muneribus. Будучи уже совсѣмъ старикомъ, онъ велъ войны, какъ молодой, и Ганнибала бурнаго, какъ свойственно молодому человѣку, онъ сдерживалъ своимъ спокойствіемъ; о немъ отлично сказалъ мой другъ Энній: одинъ человѣкъ своей осторожностью удержалъ цѣлость государства; славу онъ не ставилъ выше спасенія; слѣд., чѣмъ дальше, тѣмъ больше блещетъ теперь слава его. А съ какой осторожностью и осмотрительностью онъ бралъ Тарентъ! при мнѣ тогда, когда Салинаторъ, потерявъ городъ, убѣжалъ въ крѣпость и хвалился и говорилъ: „ты, Фабій, благодаря мнѣ взялъ Тарентъ“, сказалъ ему смѣясь: „ко-

нечно! если бы ты его не потерялъ, то я никогда бы его не взялъ". Но на войнѣ онъ не былъ болѣе выдающимся, чѣмъ въ мирѣ. Во время своего второго консульства, когда коллега его Сп. Карвилій бездѣйствовалъ, онъ сопротивлялся, насколько могъ, народному трибуну Г. Фламинію, раздѣлявшему Пиценскую и Галльскую области противъ воли сената въ личное владѣніе гражданъ; а когда былъ авгуромъ, то смѣло сказалъ: „согласно ауспиціямъ дѣлается то, что дѣлается для спасенія государства, а что дѣлается противъ государства, то дѣлается противъ ауспицій". Много хорошихъ качествъ я зналъ въ этомъ человѣкѣ, но нѣтъ ничего болѣе достойнаго удивленія какъ то, какимъ образомъ перенесъ онъ смерть сына, мужа славнаго, бывшаго консуломъ. Я постоянно имѣю при себѣ его надгробное слово, и когда читаю его, всякаго философа я ставлю ни во что. Онъ былъ великъ не только въ оффиціальной и общественной жизни, онъ былъ выше другихъ въ семейной, домашней жизни. Какая бесѣда, какія наставленія! какое знакомство съ древностью! познаніе въ правѣ авгуровъ! Для римлянина онъ былъ богато образованъ; онъ помнилъ не только отечественныя, но и иноземныя войны. Я съ такою жадностью внималъ его бесѣдамъ, какъ будто предчувствовалъ (что и случилось), что послѣ его смерти не у кого будетъ учиться.

V.

Какая цѣль такихъ подробностей о Максимѣ? Та, что вы, конечно, видите, что противъ совѣсти будетъ назвать такую старость тягостной. Однако же не всѣ могутъ быть Сципіонами или Максимами, чтобы вспоминать о взятіи городовъ, о сухопутныхъ и морскихъ битвахъ, о войнахъ, веденныхъ ими, о тріумфахъ. Но также если жизнь проведена спокойно, по принципамъ нравственности и разсудка, то и старость бываетъ невозмутима и тиха; такую старость мы знаемъ у Платона, который умеръ на 81 году за составленіемъ сочиненія, у Исократа, который говоритъ, что онъ написалъ

на 94 году сочиненіе, носящее заглавіе Panathenaicus, и послѣ того жилъ пять лѣтъ; учитель его Горгій леонтинецъ прожилъ 107 лѣтъ и никогда не прекращалъ своихъ любимыхъ занятій. Когда его спрашивали, какъ ему хочется такъ долго оставаться въ жизни, отвѣтилъ: у меня нѣтъ ни малѣйшаго повода жаловаться на старость. Прекрасный отвѣтъ и достойный философа!

Слѣд., люди, слабые дѣятельностью ума и разсудка, переносятъ на старость свои недостатки и вину, лежащую въ нихъ самихъ. Этого не дѣлалъ тотъ, о комъ я только-что упомянулъ, Энній, „подобно сильному коню, часто побѣждавшему на Олимпійскихъ играхъ, теперь покоится въ глубокой старости“. Онъ сравниваетъ свою старость со старостью сильнаго побѣдоноснаго коня. Его вы можете хорошо помнить. На девятнадцатомъ году послѣ его смерти были выбраны въ консулы Т. Фламининъ и М. Ацилій, о которыхъ я только-что упомянулъ, а онъ умеръ въ первое консульство Цепіона и второе Филиппа, когда я, что было силъ, защищалъ законъ Воконія. Семидесяти лѣтъ Энній—онъ жилъ такъ долго—такъ переносилъ два величайшихъ, по мнѣнію людей, бремени—бѣдность и старость, что похоже было, что онъ чуть не наслаждается ими.

Дѣйствительно, разсматривая причины, почему старость кажется тягостной, я нахожу ихъ четыре:

первая, что она удерживаетъ отъ занятій государственными дѣлами;

вторая, что дѣлаетъ тѣло менѣе выдерживающимъ;

третья, что лишаетъ почти всѣхъ удовольствій;

четвертая, что она недалека отъ смерти.

Разсмотримъ, если хотите, каждый въ отдѣльности изъ этихъ доводовъ, насколько онъ силенъ и справедливъ.

VI.

1-й пунктъ обвиненія.

Удерживаетъ противъ воли отъ занятій государственными дѣлами. Какими? не тѣми ли, какія совершаются при юношескихъ силахъ? Стало быть, нѣтъ никакихъ дѣлъ, подходящихъ для старика, порядокъ которыхъ держится даже и при слабости тѣла—духомъ? Слѣд., ничего не дѣлалъ Кв. Максимъ? ничего не дѣлалъ Л. Павелъ, твой отецъ, тесть лучшаго мужа, моего сына? остальные старики, Фабриціи, Куріи, Курункаціи ничего не дѣлали, когда защищали государство своимъ вліятельнымъ совѣтомъ? Къ старости Ап. Клавдія присоединилась еще слѣпота; однако, когда мнѣніе сената клонилось къ миру съ Пирромъ и къ заключенію договора, онъ не поколебался сказать то, что Энній выразилъ стихами: „Куда отодвинула безсознательность ваши мыслительныя способности, бывшія прежде обыкновенно логичными?“ и т. д. въ весьма рѣзкомъ тонѣ—вамъ, конечно, извѣстно это стихотвореніе, но цѣла и рѣчь самого Аппія. И это онъ дѣлалъ на 17 году послѣ второго консульства, между двумя консульствами прошло 10 лѣтъ, а до перваго консульства онъ былъ цензоромъ, отсюда понятно, что во время войны съ Пирромъ онъ былъ очень пожилымъ, и все таки вотъ что мы слышимъ о немъ отъ отцовъ. Изъ этого видно, что ничего не доказываютъ тѣ, которые утверждаютъ, что старость не занимается государственными дѣлами, напротивъ, они похожи на тѣхъ, какъ если бы кто сталъ говорить, что кормчій во время плаванія ничего не дѣлаетъ, когда одни лазятъ на мачты, другіе бѣгаютъ по палубѣ, третьи очищаютъ трюмъ, а онъ сидитъ спокойно на кормѣ, держа руль. Старикъ не дѣлаетъ того, что дѣлаютъ молодые, но на самомъ дѣлѣ онъ дѣлаетъ гораздо болѣе важное и необходимое. Великія дѣла совершаются не тѣлесными силами, проворствомъ и быстротой, но обдуманностью, распорядительностью и сознаніемъ, а старость обыкновенно не только не

теряетъ этихъ качествъ, но даже увеличиваетъ ихъ. Вѣдь и я, участвовавшій въ разнаго рода войнахъ въ качествѣ и простого солдата, и трибуна, и легата, и консула, могу же, пожалуй, теперь казаться вамъ бездѣятельнымъ, если не веду войнъ. Зато я предписываю сенату, какія и какъ надо вести войны; Карѳагену, уже давно враждебно настроенному, я заранѣе объявляю войну, и не раньше перестану его бояться, какъ узнаю о его разрушеніи. О если бы, Сципіонъ, безсмертные боги сохранили для тебя эту побѣду, чтобы ты докончилъ дѣло дѣда! Со дня смерти его идетъ теперь 36-й годъ, но память объ этомъ человѣкѣ перейдетъ и въ грядущіе годы. Онъ умеръ за годъ до моего цензорства, 9 лѣтъ спустя послѣ моего консульства, выбранный вторично консуломъ въ мое консульство. Если бы онъ дожилъ до сотаго года, скучалъ ли бы онъ своею старостью? Не его, разумѣется, было бы дѣло бѣганье и прыганье, метанье копья или рукопашная схватка, его дѣло было бы подать совѣтъ, составить планъ, обдумать. Если бы этимъ не обладали старики, то предки наши не называли бы верховный совѣтъ сенатомъ. У лакедемонянъ также тѣ, которые занимаютъ самыя высшія должности, называются также по возрасту стариками. А если захотите прочитать или прослушать иностранную исторію, то найдете, что величайшія республики колебались молодыми, а поддерживались и возстановлялись стариками.

„Скажите, какъ вы потеряли такъ скоро свое государство, бывшее столь славнымъ“. Такъ спрашиваютъ въ Ludus поэта Невія. Отвѣчаютъ на это между прочимъ главнымъ образомъ такъ: „выступили новые ораторы, не понимающая дѣла молодежь“. Безразсудная смѣлость свойственна цвѣтущему возрасту, предусмотрительность—пожилому.

VII.

Но уменьшается память.—Вѣрно, если ее не упражнять, или если ты отъ природы невоспріимчивъ. Ѳемистоклъ зналъ

имена всѣхъ граждан; такъ вы думаете, когда онъ состарѣлся, онъ сталъ называть Аристида Лизимахомъ? Что касается меня, то я знаю не только тѣхъ, которые живутъ, но даже отцовъ и дѣдовъ ихъ, и, читая надгробные памятники, не боюсь, какъ говорятъ, потерять память. Этимъ самымъ чтеніемъ я возвращаюсь къ исторіи умершихъ. И я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь, сдѣлавшись старикомъ, забылъ, гдѣ онъ закопалъ сокровище? Они помнятъ обо всемъ, что для нихъ интересно: день явки въ судъ, кто имъ, кому они должны. Правовѣды, понтифики, авгуры, философы въ старости какъ многое они помнятъ! Умственныя способности остаются у стариковъ, лишь бы оставалось у нихъ желаніе дѣятельности, при чемъ это касается не только лицъ, стоящихъ на виду по своимъ заслугамъ и уважаемымъ въ государствѣ, но и лицъ, ведущихъ частную и покойную жизнь. Софоклъ писалъ трагедіи до глубокой старости; когда сыну показалось, что онъ вслѣдствіе этихъ занятій пренебрегаетъ дѣломъ семьи, онъ позванъ былъ имъ къ суду, чтобы судьи устранили его, какъ человѣка, лишеннаго разсудка, отъ занятій семейными дѣлами, подобно тому, какъ у насъ налагается опека на отцовъ, дурно управляющихъ семейными дѣлами. Тогда, говорятъ, старикъ прочиталъ судьямъ трагедію, которую онъ готовилъ и вскорѣ послѣ того окончилъ, Эдипа Колонейскаго, и спросилъ, можно ли считать его произведеніемъ человѣка, потерявшаго разсудокъ. Вслѣдствіе этого чтенія онъ былъ оправданъ. Итакъ заставила ли старость прекратить свои занятія его, или Гомера, или Гезіода, Симонида, Стезихора, или тѣхъ, кого я раньше упомянулъ, Исократа, Горгія или главъ философскихъ школъ, Пиѳагора, Демокрита, Платона, Ксенократа, или Зенона, Клеанта, или Діогена стоика, котораго вы видѣли въ Римѣ? Ревность ихъ въ занятіяхъ не равнялась ли продолжительности жизни? Оставимъ эти духовныя занятія, я могу назвать изъ сабинской земли римскихъ крестьянъ, моихъ сосѣдей и друзей, въ отсутствіи которыхъ на поляхъ не производится почти никогда болѣе

или менѣе важныхъ работъ, ни посѣвъ, ни сборъ, ни уборка.
Правда, въ иныхъ случаяхъ, это менѣе удивительно: никто,
конечно, такъ не старъ, чтобы не думать, что онъ можетъ
прожить годъ; но они же трудятся надъ такими вещами, о
которыхъ знаютъ, что онѣ не имѣютъ для нихъ интереса: „сѣ-
ютъ деревья, которыя могутъ быть полезны другому поколѣ-
нію“, какъ говоритъ Стацій въ Синефебахъ. И дѣйствитель-
но, земледѣлецъ, хотя бы и старикъ, не колеблется отвѣчать
на вопросъ: ради кого онъ сѣетъ: „ради безсмертныхъ бо-
говъ, которые хотятъ, чтобы я не только получалъ это отъ
предковъ, но и передавалъ потомкамъ“.

VIII.

Лучше сказалъ Цецилій о старикѣ, заботящемся о дру-
гомъ поколѣніи, чѣмъ: „правда, старость, если бы ты при-
ходомъ своимъ и не приносила съ собой никакого другого
недостатка, то достаточно уже этого одного, потому что,
живя долго, видишь то, чего не хочешь“. Но и многое, мо-
жетъ быть, видишь, чего хочешь! Зато молодость часто на-
летаетъ на то, чего не хочетъ. А вотъ мысль Цецилія еще
болѣе ошибочная: „Я по крайней мѣрѣ считаю, что въ ста-
рости самое тягостное то, что чувствуешь, что ты непріятенъ
другому вслѣдствіе этого возраста“. Пріятенъ скорѣе, чѣмъ
непріятенъ! Какъ старикамъ, живущимъ умственной жизнью,
пріятны юноши, богато одаренные способностями, и какъ
потому старость дѣлается легче для тѣхъ, которыхъ почита-
ютъ, любятъ и уважаютъ юноши,—такъ и юноши внутренне
радуются наставленіями стариковъ, которые ихъ ведутъ къ
любви къ принципамъ человѣчности: я понимаю, что я прі-
ятенъ вамъ не меньше, чѣмъ вы мнѣ.

Такъ вы видите, какъ старость не только не разслабляетъ
духа и не теряетъ способности къ дѣйствованію, но даже
сопряжена съ большими трудами, всегда дѣлаетъ и обду-
мываетъ что-нибудь, конечно такое, что было у кого постоян-
нымъ занятіемъ въ предшествующей жизни. А нѣкоторые

даже учатся чему-нибудь новому. Напр., мы видимъ, что Солонъ хвалится въ своихъ стихахъ, что онъ дожилъ до старости, ежедневно учась чему-нибудь новому, и я, начавши заниматься греческой литературой старикомъ и такъ жадно ухватясь за нее, какъ будто бы хотѣлъ утолить долгую жажду, сдѣлалъ то, что мнѣ стало извѣстно,—то, что, вы видите, я привожу теперь въ примѣръ. Я, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ бы сдѣлать также и въ музыкѣ то, что, я слышалъ, сдѣлалъ Сократъ (вѣдь древніе учились музыкѣ), но я спеціально занялся литературой.

IX.

2-й пунктъ обвиненія.

Далѣе, что касается теперешняго состоянія, то мнѣ не хочется имѣть силъ юноши,—это другой пунктъ недостатковъ старости—не больше, чѣмъ въ юношествѣ мнѣ хотѣлось силъ быка или слона. Что есть у тебя, тѣмъ и нужно пользоваться, и чтобы ни дѣлать, нужно дѣлать по силамъ. Можетъ ли быть что-нибудь безсмысленнѣе словъ Милона Кротонскаго, когда онъ былъ уже старикомъ и видѣлъ на ристалищѣ борющихся атлетовъ, говорятъ, посмотрѣлъ на свои руки и со слезами сказалъ: „а эти уже умерли". Нѣтъ, не такъ онѣ, какъ ты самъ, болтунъ! Ты никогда не былъ извѣстенъ своей духовною личностью, но грудью и руками. Ничего подобнаго не говорили С. Элій, ни Т. Корунканій, жившій много раньше насъ, ни Крассъ, умершій недавно которыми давались гражданамъ правовыя положенія: знаніе которыхъ возрастало до послѣдняго момента жизни. Что касается оратора, то я опасаюсь, какъ бы онъ не ослабѣлъ отъ старости: его занятія не только зависятъ отъ умственной дѣятельности, но и отъ силы груди. Во всякомъ случаѣ, требуемая пѣвучесть звучитъ даже какъ-то и въ старости (я по крайней мѣрѣ не потерялъ еще этого, а годы мои—вы видите); но зато рѣчь старика спокойная и плавная имѣетъ

красоту; потому одна уже стройная и ровная рѣчь обстоятельно разсказывающаго старика часто приуготовляетъ себѣ слушателей. Если бы ты былъ не въ состоянiи самъ излагать ее, то могъ бы давать наставленiя Сципiону и Лелiю. Что можетъ быть прiятнѣе старости, окруженной занимающейся молодежью? Или развѣ мы не оставимъ за старостью даже и такихъ силъ, чтобы она научала юношей, наставляла, подготовляла къ исполненiю обязанностей. А какой трудъ можетъ быть наиболѣе достоинъ человѣка? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, Г. и П. Сципiоны и оба твои дѣда, Л. Эмилiй и П. Африканъ казались осчастливленными судьбой вслѣдствiе того, что они были постоянно въ обществѣ юношей, сдѣлавшихся потомъ знаменитыми, надобно считать, что всѣ учителя знанiй, ведущихъ къ нравственному совершенству, чувствуютъ себя внутренно счастливыми, хотя бы силы ихъ состарились и упали. Впрочемъ, этотъ самый упадокъ силъ часто бываетъ слѣдствiемъ ненормальностей въ молодости, чѣмъ старости: молодость, невоздержано преданная чувственнымъ страстямъ, передаетъ старости тѣло изнуренное. Киръ, напр. у Ксенофонта въ бесѣдѣ, веденной имъ передъ смертью, уже глубокимъ старикомъ, говоритъ, что онъ никогда не замѣчалъ, чтобы старость его сдѣлала его безсильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ молодости. Еще мальчикомъ я помню, что Л. Метеллъ, выбранный въ великiе понтифики, спустя четыре года послѣ второго консульства, и стоявшiй во главѣ этой жреческой коллегiи 22 года, въ концѣ своей жизни былъ такъ здоровъ, что никогда не желалъ возвратить юношества. Мнѣ нѣтъ надобности говорить о себѣ самомъ, хотя это свойственно старикамъ и дозволяется моему возрасту.

X.

Видите, какъ часто у Гомера Несторъ выставляетъ на видъ свои добродѣтели? Онъ видѣлъ третье поколѣнiе людей и ему не было надобности остерегаться, чтобы, говоря правду о себѣ, не показаться или слишкомъ кичливымъ или болтли-

вымъ. А, какъ говоритъ Гомеръ, изъ его устъ текла рѣчь слаще меда; а для этой пріятности ему не нужно было никакихъ тѣлесныхъ силъ. А между тѣмъ вождь Греціи нигдѣ не высказывалъ желанія имѣть десять помощниковъ, подобныхъ Аяксу, но Нестору; если бы это было, онъ не сомнѣвается, что Троя погибла бы скоро. Но возвращаюсь къ себѣ. Мнѣ 84-й годъ, мнѣ по крайней мѣрѣ хотѣлось бы быть въ состояніи похвалиться тѣмъ же, чѣмъ и Киръ; но зато я могу сказать: у меня, правда, нѣтъ тѣхъ силъ, какія были, когда я былъ простымъ солдатомъ въ пунійскую войну, или квесторомъ въ ту же войну, или консуломъ въ Испаніи, или когда 4 года спустя сражался въ должности военнаго трибуна при Ѳермопилахъ въ консульство М. Глабріона; но какъ вы видите, старость не совсѣмъ ослабила и разбила меня: ни курія, ни каѳедра, ни друзья, ни кліенты, ни гости не требуютъ отъ меня тѣлесныхъ силъ. Я никогда не согласенъ былъ со старинной и часто приводимой пословицей, совѣтующей „скорѣй сдѣлаться старикомъ, кто хочетъ дольше пробыть старикомъ"; я предпочелъ бы менѣе долго пробыть старикомъ, чѣмъ сдѣлаться старикомъ, прежде чѣмъ быть имъ на самомъ дѣлѣ. Потому ни разу не случалось, чтобы кто-нибудь хотѣлъ видѣться со мной, а я былъ бы для него занятъ.

Но я имѣю силъ меньше, чѣмъ каждый изъ васъ. Да и вы не имѣете силъ центуріона Т. Понція; выше ли онъ поэтому? Пусть только будетъ пропорціональность силъ и дѣла, и пусть только каждый стремится къ тому, къ чему можетъ: онъ не будетъ чувствовать большого недостатка силъ. Говорятъ, на олимпійскихъ играхъ Милонъ прошелъ стадію съ быкомъ на плечахъ: захочешь ли ты поэтому лучше, чтобы тебѣ даны были эти силы или силы Пиѳагорова ума? Наконецъ пользуйся этимъ благомъ, пока оно есть, а когда его ужъ нѣтъ, не ищи: въ такомъ случаѣ юноши должны будутъ искать младенчества, а проживши немного времени, — юношества. Жизнь идетъ по опредѣленному пути, у природы одинъ путь простой: каждому возрасту дано свое время, слѣд., слабость дѣтей,

пылкость юношей, серьезность возмужалости, пора старости имѣютъ естественный законъ, такъ что все это должно быть пережито въ свое время. Я думаю, ты знаешь, Сципіонъ, что дѣлаетъ теперь въ 90 лѣтъ Массинисса, гость твоего дѣда: если онъ идетъ пѣшкомъ, онъ вовсе не садится на коня, если ѣдетъ верхомъ, не сходитъ съ коня; ни дождь, ни холодъ не заставляютъ его покрыть голову; тѣло его въ высшей степени крѣпко: и онъ самъ исполняетъ обязанности и дѣла царя. Слѣд., упражненіе и умѣренность могутъ даже и въ старости сохранить до нѣкоторой степени прежнюю силу.

XI.

Положимъ, что въ старости и нѣтъ силъ: отъ старости и не требуется силъ: законы и обычаи освобождаютъ нашъ возрастъ отъ обязанностей, которыя не могутъ быть выполнены при отсутствіи силъ. Такимъ образомъ насъ не принуждаютъ не только къ тому, чего мы не можемъ, но и даже и къ тому, сколько можемъ.

Но многіе старики безпомощны до того, что не могутъ исполнять никакого долга, вообще никакого дѣла въ жизни. Но этотъ недостатокъ не есть слѣдствіе одной старости исключительно, но здоровья вообще. Какъ безпомощенъ былъ сынъ П. Африкана, тотъ, который усыновилъ тебя, какого онъ былъ слабаго здоровья, или скорѣе у него вовсе не было здоровья. Если бы не это, онъ былъ бы вторымъ свѣтиломъ государства: къ величію отцовскаго духа присоединилась у него обширная ученость. Чего же, стало быть, удивляться въ старикахъ, если иной разъ они слабы, если этого не могутъ избѣжать даже молодые? Должно, Лелій и Сципіонъ, сопротивляться старости, и съ ея недостатками должно уравновѣшивать аккуратность: со старостью надо бороться, какъ съ болѣзнью: нужно имѣть въ виду здоровье: нужно пользоваться упражненіями умѣренно, нужно столько употреблять пищи и питья, чтобы возстановить силы и не подавить. И не только тѣлу надо приходить на помощь, но еще больше уму

и духу: и они если какъ въ лампаду не подольешь масла, погашаются старостью. Но какъ тѣла отъ усталости въ упражненіяхъ ослабѣваютъ, такъ духовныя силы отъ упражненій укрѣпляются. Цецилій, называя стариковъ въ комедіяхъ глупыми, хочетъ сказать, что они легковѣрны, забывчивы, небрежны, а эти недостатки принадлежатъ не старости вообще, но старости бездѣйственной, вялой, сонной. Какъ необузданность и своеволіе свойственны скорѣе молодымъ, чѣмъ старикамъ, и однако не всѣмъ молодымъ, а только лицамъ не крѣпко держащимся принциповъ нравственности, такъ и эта старческая глупость, которая обыкновенно называется безтолковіемъ, есть свойство не всѣхъ стариковъ, а только пустыхъ. Аппій, и старикъ и слѣпой, руководилъ четырьмя взрослыми сыновьями, пятью дочерями, такимъ домомъ, столькими кліентами: вниманіе его было напряжено, какъ лукъ, и слабѣя онъ не поддавался старости. Онъ имѣлъ среди своихъ не только нравственное вліяніе, но и власть: его боялись рабы, уважали дѣти, всѣ любили; въ этой семьѣ господствовала древняя дисциплина: тогда старикъ имѣетъ честь, если онъ защищаетъ себя, если онъ удерживаетъ за собой свое право, если не отдался никому подъ покровительство, если до послѣдней минуты жизни правитъ своими. Нормой я считаю какъ юношу, въ которомъ есть нѣкоторыя качества, свойственныя старости, такъ и старика, въ которомъ есть извѣстныя качества, свойственныя юношѣ. Кто слѣдуетъ этому принципу, тотъ можетъ быть старикомъ — тѣломъ, но духомъ никогда. Я обрабатываю сейчасъ седьмую книгу „Началъ“, собираю памятники древности; теперь больше всего сочиняю рѣчи извѣстныхъ процессовъ, которые я защищалъ; занимаюсь правомъ авгуровъ, понтификовъ, гражданскимъ, много занимаюсь также греческой литературой и, по обычаю пиѳагорейцевъ, ради упражненія памяти, вечеромъ припоминаю то, что каждый день говорилъ, слышалъ, дѣлалъ. Вотъ упражненія умственныя, вотъ ристалище мысли; съ усердіемъ работая надъ этимъ, мнѣ не очень хочется физическихъ силъ. Я помогаю

друзьямъ, хожу часто въ сенатъ, и самъ вношу вопросы, много и долго обдумывая, и отстаиваю ихъ силами ума, а не тѣла. Если бы я не могъ выполнять и этого, то я довольствовался бы моей постелью, обдумывая то, чего уже не могъ бы дѣлать; но прежній образъ жизни далъ мнѣ эту возможность.

Постоянно живя въ занятіяхъ и трудахъ, человѣкъ не замѣчаетъ, какъ подкрадывается старость, такъ понемногу незамѣтно годы переходятъ въ старость, и надламываются не вдругъ, но гаснутъ съ теченіемъ времени.

XII.

3-й пунктъ обвиненія.

Теперь слѣдуетъ третій пунктъ порицанія старости: говорятъ, что она лишена страсти внѣшнихъ удовольствій. О достойный даръ возраста, уносящаго отъ насъ то, что даже въ молодости считается явленіемъ самымъ порочнымъ! Узнайте, лучшіе юноши, древнее изреченіе тарентинца Архита, великаго прежде всего и достойнаго мужа, переданное мнѣ, когда я былъ еще въ молодости въ Тарентѣ съ Кв. Максимомъ. Онъ говорилъ, что нѣтъ болѣе пагубной язвы, данной людямъ природой, какъ удовольствіе тѣла: неразумныя жадныя страсти къ внѣшнимъ удовольствіямъ съ необузданной необдуманностью стремятся къ удовлетворенію. Это дѣлается причиной измѣнъ отечеству, ниспроверженій государственнаго порядка, тайныхъ переговоровъ съ врагами; нѣтъ преступленія противъ права, нѣтъ проступка противъ нравственности, къ совершенію котораго побудительной причиной было бы неразумное стремленіе къ внѣшнему удовольствію; развратъ, прелюбодѣяніе и всякій тому подобный безчестный поступокъ возбуждается не другими какими соблазнами, а соблазномъ внѣшнихъ удовольствій. И если человѣку природа ли, богъ ли далъ умъ, способность лучшую всего другого, то нѣтъ ничего столь враждебнаго этому божественному дару, какъ страсть внѣшняго удоволь-

ствія. При господствѣ неразумной страсти нѣтъ мѣста умѣренности; въ царствѣ страсти не можетъ существовать принциповъ человѣчности. Чтобы легче можно было это понять, онъ предлагалъ представить себѣ человѣка, возбужденнаго такой страстью внѣшнихъ удовольствій, какую можно только представить: и онъ полагалъ, что ни у кого не будетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ, пока такъ настроенъ внутренне, не можетъ совсѣмъ дѣйствовать разумомъ, разсудкомъ, умомъ. Поэтому нѣтъ ничего столь опаснаго и гибельнаго, какъ страсть внѣшнихъ удовольствій, такъ какъ она тушитъ всякую искру въ душѣ, разъ она усилится и продолжится.— Неархъ Тарентинецъ, нашъ гость, постоянно остававшійся въ дружбѣ римскаго народа, говорилъ, что онъ слышалъ отъ стариковъ, что такъ говорилъ Архитъ съ Г. Понціемъ самнитомъ, отцомъ того, которымъ были побѣждены консулы Сп. Постумій и Т. Ветурій въ Кавдинской битвѣ, и что въ этой бесѣдѣ участвовалъ аѳинянинъ Платонъ, который, какъ мнѣ извѣстно, пришелъ въ Тарентъ въ консульство Л. Камилла и Ап. Клавдія. Къ чему я привелъ это? къ тому, чтобы вы поняли, что если мы не можемъ на основаніи доводовъ разсудка противостать страсти внѣшнихъ удовольствій, то мы должны быть глубоко благодарны старости, слѣдствіемъ которой является то, что не желаешь того, чего не должно. Страсть внѣшнихъ удовольствій мѣшаетъ обдуманному образу дѣйствій; она враждебна логичному образу дѣйствій, притупляетъ, такъ сказать, умственные взоры, и не имѣетъ никакой связи съ принципами человѣчности. Скрѣпя сердце, мнѣ пришлось исключить изъ сената Л. Фламинина, брата Т. Фламинина, человѣка въ высшей степени отважнаго, спустя 7 лѣтъ послѣ моего консульства, но я полагалъ, что необузданность страсти должно наказать. Дѣло въ томъ, что въ консульство свое въ Галліи онъ былъ упрошенъ за пирушкой любовницей обезглавить одного изъ тѣхъ, которые содержались подъ арестомъ за уголовное преступленіе. Въ цензорство брата Тита, бывшаго моимъ непосредственнымъ предшественникомъ, онъ

ускользнулъ отъ наказанія; я же и Флаккъ никоимъ образомъ не могли счесть за нормальное явленіе такую позорную и безумную страсть, соединяющую въ себѣ позоръ въ частной жизни и обезчещеніе власти.

XIII.

Я часто слыхалъ отъ стариковъ, которые въ свою очередь говорили, что они еще мальчиками слыхали отъ старшихъ, что Г. Фабрицій дивился постоянно тому, что слышалъ отъ өессалійца Кинеаса, во время своего посольства къ Пирру, что есть въ Аөинахъ человѣкъ, открыто называющій себя философомъ, и что онъ-то и говоритъ, что всѣ наши поступки должны сообразоваться съ внѣшнимъ удовольствіемъ, и что, услыхавши объ этомъ отъ него, М. Курій и Т. Корунканій хотѣли бы убѣдить въ этомъ самнитянъ и самого Пирра, чтобы легче можно было побѣдить ихъ, когда они предадутся удовольствію. А жилъ М. Курій одновременно съ П. Деціемъ, который, за 5 лѣтъ до его консульства, въ свое консульство, обрекъ себя подземнымъ богамъ за государство; зналъ его Фабрицій, зналъ Корунканій: изъ своей жизни и изъ поступка того Деція, о которомъ я говорю, они вынесли убѣжденіе, что есть безъ сомнѣнія какая-то цѣль нравственная и правовая, которой ищутъ въ силу нея самой и которой слѣдуетъ каждый хорошій человѣкъ, бросивъ страсть къ удовольствію, сознавши ея ничтожество. Какая же цѣль такого подробнаго разбора объ удовольствіи? Потому что не только не должно порицать, но даже должно хвалить старость за то, что она не ищетъ никакихъ удовольствій. Ей нельзя предаваться пирамъ съ нагроможденными блюдами и многочисленными бокалами, ей нельзя предаваться опьяненію, объяденію и безсоннымъ ночамъ. Но если нужно сдѣлать какую-нибудь уступку страсти удовольствій, потому что намъ не легко противостать ея приманкамъ, — Платонъ превосходно называетъ удовольствіе „приманкой золъ", потому что ей люди ловятся, какъ рыбы—то такъ какъ старости не хочется

неумѣренныхъ пировъ, то она можетъ найти удовольствіе въ обѣдахъ умѣренныхъ. Будучи мальчикомъ, я часто видалъ, какъ возвращался съ обѣда Г. Дуилій, сынъ Марка, первый, одержавшій морскую побѣду надъ пунійцами, бывшій уже старикомъ. Часто онъ доставлялъ себѣ удовольствіе факелами и флейтщиками, которыхъ не въ примѣръ другимъ содержалъ, будучи частнымъ человѣкомъ: такую свободу дала ему слава. Но что я говорю о другихъ? возвращусь теперь къ себѣ. Прежде я имѣлъ всегда товарищей; товарищества были установлены въ мое квесторство, когда принятъ былъ культъ Великой Идейской Матери. Я обѣдалъ, стало быть, съ товарищами, въ общемъ умѣренно, хотя и былъ извѣстный пылъ, свойственный возрасту, съ движеніемъ котораго впередъ все дѣлается спокойнѣе. И удовольствія даже отъ обѣдовъ я не измѣрялъ удовольствіями тѣла больше, чѣмъ обществомъ друзей и бесѣдами. Наши предки удачно назвали возлежаніе друзей за столомъ convivium, потому де, что оно сдружаетъ жизнь, удачнѣе, чѣмъ греки, которые называютъ это то compotatio, то concenatio, такъ что они, кажется, считали самой сущностью то, что здѣсь важно менѣе всего.

Мнѣ, признаться, доставляетъ удовольствіе подходящій для меня обѣдъ тѣмъ, что онъ доставляетъ удовольствіе побесѣдовать, и не съ ровесниками только, которыхъ теперь остается очень немного, но даже и съ людьми вашего возраста и съ вами, и я очень благодаренъ старости за то, что она увеличила во мнѣ страсть къ бесѣдѣ и унесла страсть къ питью и ѣдѣ. Если же кому и это доставляетъ удовольствіе—чтобы не показалось кому, что я воздвигъ гоненіе на удовольствіе, у котораго есть, можетъ быть, нѣкоторый естественный законъ—то я не понимаю, чтобы въ этомъ удовольствіи старость даже не ощущала недостатка. Мнѣ, признаться, доставляетъ удовольствіе и магистеріи, установленныя предками, и та рѣчь, которую, по обычаю предковъ, произносятъ за столомъ съ высшаго мѣста, и бокалы, какъ въ Ксенофонтовомъ Симпозіонѣ, маленькіе, прохлада лѣтомъ и

наоборотъ солнце и очагъ зимой. Этого-то я придерживаюсь обыкновенно даже въ Сабинскомъ помѣстьѣ: устраиваю ежедневно обѣдъ для сосѣдей, который и затягиваемъ разговоромъ о разнаго рода вопросахъ до глубокой ночи.

Но въ старикахъ нѣтъ такого, такъ сказать, щекотанія чувственныхъ удовольствій. Да, но они его и не ищутъ. А чего не желаешь, отсутствіе того и не тяготитъ. Когда кто-то спросилъ у Софокла, бывшаго уже пожилымъ, наслаждается ли онъ чувственными удовольствіями, онъ удачно отвѣтилъ: „не дай Богъ! я съ радостью убѣжалъ отъ нихъ, какъ отъ грубаго и бѣшенаго владыки". Тѣмъ, которые желаютъ этого, можетъ быть, досадно и тяжело быть лишену этого, тѣмъ же, кто вполнѣ насытился этимъ, пріятнѣе быть лишену, чѣмъ пользоваться ими;—тотъ, который не желаетъ, не лишенъ; слѣд., я говорю, что пріятнѣе не желать. Изъ этого выходитъ, что если счастливый возрастъ съ большимъ увлеченіемъ получаетъ наслажденія отъ этихъ самыхъ удовольствій, то во-первыхъ онъ получаетъ наслажденіе пустое, какъ я сказалъ, во вторыхъ такое, которое если не дано въ полное обладаніе старости, то и не совсѣмъ отнято у ней. Напр., тому, который сидитъ въ первомъ ряду театра, веселѣе отъ Турпіона Амбивія, но получаетъ удовольствіе и тотъ, который сидитъ въ послѣднемъ ряду; такъ и юность, ближе затронутая интересомъ удовольствій, веселится, можетъ быть, болѣе, но и старость, холоднѣе относящаяся къ нимъ, получаетъ отъ нихъ наслажденія столько, сколько надо. А какъ дорого то, что душа, отслуживши, такъ сказать, службу несдержанности и тщеславія, честолюбія и вражды, всѣхъ вообще страстей, остается сама съ собой и живетъ, такъ сказать, сама съ собой.

Слѣд., если старость находитъ, такъ сказать, пищу въ занятіяхъ умственныхъ, то нѣтъ ничего пріятнѣе старости, дающей свободу имъ. Я видалъ, Сципіонъ, Гала, пріятеля твоего отца, за измѣреніемъ чуть не неба и земли. Сколько разъ мѣшалъ ему разсвѣтъ, начинавшему чертить что-нибудь ночью, сколько разъ мѣшала ночь, начинавшему работу съ утра! Сколько удовольствія доставляло ему предсказать намъ заранѣе затменіе солнца и луны! То же надо сказать и о занятіяхъ болѣе легкихъ, но требующихъ умственныхъ силъ. Какую радость доставляла Невію его „Пуническая война", Плавту—„Трукулентъ" и „Псевдолъ". Я видѣлъ и старика Ливія, разучившаго пьесу въ консульство Центона и Тудитана уже за 6 лѣтъ до моего рожденія и дожившаго до моего юношества. Нечего говорить о занятіяхъ Публія Лицинія Красса понтификовымъ и гражданскимъ правомъ, или о П. Сципіонѣ, избранномъ въ послѣдніе дни въ великіе понтифики. Я видѣлъ всѣхъ, кого упомянулъ, ревностно защищающимися въ старости этой умственной работой. Я видѣлъ, съ какимъ стараніемъ упражнялся въ краснорѣчіи М. Цетегъ, правильно названный Энніемъ „душою убѣжденія", будучи также старикомъ! Какія удовольствія отъ пирушекъ, игръ, разврата можно сравнить съ этими удовольствіями? Кромѣ того это занятія умственныя; а они ростутъ вмѣстѣ съ годами у людей ума и нравственности, такъ что достойно уваженія то выраженіе Солона, высказанное имъ въ стихахъ, которое я привелъ раньше: что онъ доживъ до старости, „прибавляя ежедневно новое познаніе"; для духовной природы человѣка ничего не можетъ быть выше этого удовольствія.

XV.

Перехожу теперь къ удовольствіямъ поселянъ, которыя доставляютъ мнѣ необыкновенное наслажденіе, которымъ не бываетъ помѣхой никакая старость, и, по моему мнѣнію, весьма близко подходятъ къ жизни, требуемой здравымъ разсудкомъ. Они имѣютъ дѣло съ землей, которая никогда не противится власти, и никогда не возвращаетъ безъ прибыли то, что получаетъ, но то съ меньшимъ, то большею частію съ большимъ процентомъ. Правда, я нахожу здѣсь наслажденіе не только въ плодѣ, но въ свойственной по

природѣ силѣ земли. Принявши посѣвъ въ распаханную и размягченную землю, она во-первыхъ засыпаетъ его (occaecatum)—(откуда самое дѣйствіе этого наз. occatio)—затѣмъ согрѣвъ и оплодотворивъ его испареніемъ, она раскрываетъ его и извлекаетъ изъ него нѣжную зелень, которая, опираясь на волокна корней, крѣпнетъ мало-помалу и, поднимаясь колѣнчатымъ стеблемъ, прячется уже въ кожицѣ, какъ бы мужая; выйдя оттуда, она даетъ плодъ, построенный въ видѣ колоса, и защищается отъ птичекъ рядомъ щетины. Я не стану упоминать о виноградѣ, его посадкѣ и ростѣ. А чтобы вы узнали, въ чемъ нахожу я себѣ отдохновеніе и занятіе въ старости, знайте, что я не могу этимъ вдоволь насладиться. Я не говорю уже о самой силѣ того, что рождается изъ земли, производящей изъ маленькаго зерна смоквы или виноградныя ягоды, или изъ крошечныхъ сѣмянъ другихъ плодовъ и цвѣтовъ такіе громадные стволы и вѣтви: вѣтви, высадки, отсадки, отводки развѣ не дѣлаютъ того, что всякій долженъ наслаждатъся и дивиться? Виноградъ гибокъ по природѣ и клонится къ землѣ, если его не подпереть, и онъ же, чтобы подняться кверху, обнимаетъ своими вѣтками, какъ руками все, что ему ни попадется; когда онъ расползается и вьется въ разныя стороны, земледѣлецъ, обрѣзая ножомъ, умѣетъ сдерживать его, чтобы онъ не заглохъ въ вѣтвяхъ и не слишкомъ расползался въ разныя стороны. Такимъ образомъ на тѣхъ, которыя были оставлены, съ наступленіемъ весны, появляется какъ бы въ родѣ суставовъ на вѣтвяхъ то, что называется почкой, изъ нея зарождается и выходитъ виноградная кисть; выростая подъ вліяніемъ сока земли и теплоты солнечной, она сначала очень горька на вкусъ, затѣмъ созрѣвши дѣлается сладкой; кромѣ того, одѣвшись листвой, она не лишается нужной теплоты и защищается отъ сильныхъ лучей солнца. Что можетъ быть пріятнѣе этого для занятія и прекраснѣе для созерцанія? Мнѣ по крайней мѣрѣ доставляетъ наслажденіе не польза только, какъ я раньше сказалъ, но уходъ и самая

природа: ряды подпорокъ, связываніе верхушекъ, подвязываніе и отсаживаніе винограда, обрѣзываніе однѣхъ вѣтвей, какъ я сказалъ, и оставленіе другихъ. Къ чему говорить объ орошеніи, окопаніи и перекапываніи, отъ чего земля сдѣлается гораздо плодороднѣе? Къ чему говорить о пользѣ унаваживанія? Я сказалъ объ этомъ въ книгѣ „О сельскомъ хозяйствѣ". О чемъ ученый Гезіодъ не упомянулъ даже ни слова, когда писалъ о земледѣліи. А Гомеръ, жившій, какъ мнѣ кажется, за нѣсколько вѣковъ до него, представляетъ Лаэрта, утишающаго тоску по сынѣ въ обработкѣ и унаваживаніи поля. Но деревенская жизнь доставляетъ удовольствіе не только нивами и лугами, виноградниками и другими растеніями, но также огородами и плодовыми садами, пастбищами скота, роями пчелъ, разнообразіемъ цвѣтовъ. И не только сѣяніе доставляетъ наслажденіе, но и прививка, гдѣ требуется въ сельской работѣ самое большое искусство.

XVI.

Я могъ бы привести множество явленій сельской жизни, доставляющихъ отраду, но и то уже, что сказалъ, чувствую, было слишкомъ длинно. Но вы извините, а чтобы не казалось, что я защищаю сельскую жизнь отъ всѣхъ недостатковъ, знайте, я увлекся пристрастіемъ къ ней, да и старость по природѣ болтлива. Поэтому то М. Курій, праздновавшій тріумфы побѣдъ надъ самнитами, сабинами, Пирромъ, дожилъ остатокъ дней своихъ въ этой жизни. Глядя на его виллу—она недалеко отъ меня—я не могу надивиться умѣренности ли его самого или требованію того времени. Когда самниты принесли къ Куріону, сидящему у очага, массу золота, онъ съ презрѣніемъ отвергнулъ. Онъ говорилъ, что на его взглядъ цѣль стремленій человѣка не золотомъ владѣть, но повелѣвать тѣми, кто владѣетъ золотомъ. Могъ ли такой подъемъ духовной жизни имѣть слѣдствіемъ непріятную старость? Но я возвращаюсь къ поселянамъ, чтобы не отступать отъ себя. Въ деревнѣ бывали тогда сенаторы, т.-е. старики: за плу-

гомъ извѣщенъ былъ Кв. Цинцинатъ, что онъ назначенъ диктаторомъ; по его приказанію, какъ диктатора, начальникъ конницы Г. Сервилій Агала убилъ Сп. Мелія, стремящагося къ царской власти. Изъ деревни вызываемъ былъ и Курій въ сенатъ, и остальные старики; отъ этого-то тѣ, которые вызывали ихъ названы viatores. Неужели же старость ихъ, находящихъ себѣ пріятное занятіе въ сельской жизни, была достойна сожалѣнія? По моему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію, едва ли какая-нибудь могла чувствовать себя болѣе счастливой, не только отъ сознанія обязанности, такъ какъ обработка поля полезна для всего человѣческаго рода, но и отъ наслажденія, о которомъ я говорилъ, и отъ полнаго избытка всего нужнаго для жизни людей, и для почитанія даже боговъ, такъ что мирюсь, пожалуй, и съ внѣшнимъ удовольствіемъ, потому что и этого нѣкоторые желаютъ. Дѣло въ томъ, что у хорошаго и дѣятельнаго хозяина кладовыя всегда полны вина, масла, хлѣба; вся вообще вилла богата; въ ней много поросятъ, козъ, ягнятъ, куръ, молока, сыра, меда. Далѣе, огородъ сами крестьяне называютъ вторымъ окорокомъ. Еще содержательнѣе дѣлаетъ это птицеловство и охота—занятія посороннія. Я не буду много говорить о зелени луговъ, объ аллеяхъ, о красотѣ вида виноградниковъ и оливковыхъ рощъ. Скажу коротко: ничего не можетъ быть содержательнѣе въ матеріальномъ отношеніи и пріятнѣе для глаза, чѣмъ хорошо веденное сельское хозяйство; старость не только не удерживаетъ отъ пользованія этими плодами, но скорѣе зоветъ и манитъ. Гдѣ можетъ этотъ возрастъ лучше согрѣться: подъ лучами ли солнца или у огня; и наоборотъ освѣжиться съ большой пользой для здоровья въ тѣни или въ водѣ? Итакъ пусть юноши оставятъ для себя оружіе, коней, копья, булаву и мячъ, плаванье и бѣгъ, а намъ, старикамъ, изъ всѣхъ забавъ пусть оставятъ кости; да и въ этомъ отношеніи пусть они дѣлаютъ, что имъ угодно, потому что старость и безъ этого можетъ чувствовать себя счастливой.

XVII.

Во многихъ отношеніяхъ очень полезны книги Ксенофонта, которыя я прошу васъ читать также внимательно. Какъ подробно останавливается онъ на сельскомъ хозяйствѣ въ сочиненіи „Oeconomicus“, трактующемъ о занятіи хозяйствомъ. А чтобы вы знали, что никакое другое занятіе, какъ занятіе сельской жизнью не казалось такъ приличнымъ царю, онъ представляетъ, что Сократъ разсказываетъ Критовулу, что когда пришелъ изъ Сардъ Лизандръ Лакедемонянинъ, человѣкъ высокодобродѣтельный, къ Киру Младшему, царю персидскому, выдающемуся по своему уму и славному правленію, и принесъ ему отъ союзниковъ дары, то онъ былъ вообще съ нимъ ласковъ и обходителенъ и между прочимъ показалъ ему паркъ, огороженный и тщательно усаженный. Удивляясь прямотѣ деревьевъ и правильности крестообразныхъ рядовъ и обработкѣ и чистотѣ почвы и пріятности запаха, идущаго отъ цвѣтовъ, Лизандръ сказалъ, что онъ дивится не только старанію, но и искусству того, чья эта планировка и планъ. Киръ отвѣтилъ: А знаешь ли, что все это распланировалъ я, что аллеи—моя работа, что планъ—мое дѣло; даже многія изъ этихъ деревьевъ посажены моею рукою. Тогда Лизандръ, глядя на его порфиру, благородство его тѣла, на одежду, украшенную богато по персидскому обычаю золотомъ и драгоцѣнными каменьями, сказалъ: „правильно, Киръ, называютъ тебя вездѣ счастливымъ; счастіе соединилось съ достоинствами твоей духовной жизни“.

Вотъ какимъ счастіемъ можно пользоваться старикамъ, а возрастъ не мѣшаетъ намъ удерживать до послѣдняго времени старости занятіе всѣмъ вообще, а особенно сельской жизнью. Мы знаемъ, что М. Валерій Корвинъ прожилъ до 100 лѣтъ, живя въ старости въ деревнѣ и занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Между первымъ и шестымъ его консульствомъ прошло 46 лѣтъ. Стало быть онъ былъ на службѣ такое количество времени, какое предки наши постановили

считать за начало старости. Кромѣ того послѣдній періодъ его жизни тѣмъ доставлялъ ему болѣе счастія, чѣмъ средній: онъ имѣлъ болѣе нравственнаго вліянія и менѣе физической работы, а вѣнецъ старости—это нравственное вліяніе. Каково оно было у Л. Цепиллія Метелла! у Атилія Калатина! у него слѣдующая надпись: очень многіе народы согласны, что онъ былъ первымъ мужемъ изо всего народа. Вамъ извѣстна вся надпись, высѣченная на его памятникѣ. По праву былъ человѣкомъ вліятельнымъ тотъ, о славныхъ дѣлахъ котораго согласна молва всѣхъ. Такого же человѣка мы видѣли недавно въ П. Крассѣ, великомъ понтификѣ; потомъ въ М. Лепидѣ, облеченномъ тѣмъ же жреческимъ саномъ. Я не буду говорить о Павлѣ или Африканѣ, или какъ раньше о Максимѣ, котораго не только мнѣніе, но кивокъ головы имѣлъ значеніе. Старикъ, особенно выдавшійся на государственной службѣ, имѣетъ такое нравственное значеніе, что оно дороже всѣхъ удовольствій юности.

XVIII.

Но помните, что въ своей рѣчи я разбираю такую старость, которая построена на основахъ, заложенныхъ въ молодости. Отсюда вытекаетъ то, что я когда-то сказалъ при всеобщемъ одобреніи: жалка та старость, если она приводитъ въ свою защиту слова. Ни сѣдины, ни морщины не могутъ одновременно съ своимъ появленіемъ получить нравственное значеніе, но съ честью проведенный прежній возрастъ получаетъ высшее вліяніе. Привѣтствіе, посѣщеніе, уступленіе дороги, вставаніе, провожаніе изъ дому и домой—вотъ тѣ самые знаки почета, на которые смотрятъ легко, потому что общеприняты, и которые весьма точно соблюдаются и у насъ и въ другихъ государствахъ тѣмъ точнѣе, гдѣ болѣе развивается нравственность. Утверждаютъ, что лакедемонянинъ Лизандръ, о которомъ я только-что упомянулъ, обыкновенно говорилъ, что Лакедемонъ есть самое почетное мѣсто для старости: нигдѣ не дѣлается столько уваженія возрасту, нигдѣ не воздается столько почета старику. Передано даже въ исторію, что когда въ Аѳинахъ пришелъ въ театръ какой-то старикъ во время игры, то при большемъ стеченіи народа нигдѣ не было дано ему мѣста своими гражданами; когда же онъ подошелъ къ лакедемонянамъ, сидящимъ въ качествѣ паловъ на извѣстномъ мѣстѣ, то они всѣ встали и дали мѣсто старику. Когда же весь народъ шумно рукоплескалъ имъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: „Аѳиняне понимаютъ, что слѣдовало бы сдѣлать, но не хотятъ дѣлать“. Въ нашей коллегіи есть много хорошихъ обычаевъ, но особенно этотъ, о которомъ говоримъ, что чѣмъ кто больше превосходитъ возрастомъ, тѣмъ имѣетъ больше права на первенство въ голосованіи, старшіе возрастомъ авгуры ставятся впереди не только тѣхъ лицъ, которыя выше ихъ по государственной должности, но даже и тѣхъ, которые находятся въ должности. Какія внѣшнія удовольствія можно сравнить съ наградами, доставляемыми за нравственное вліяніе? Кто хорошо воспользовался ими, тѣ представляются мнѣ хорошо разыгравшими драму жизни и не провалившимися въ концѣ дѣйствія, подобно неумѣлому актеру.

Но старики характеромъ безпокойны, раздражительны, неуживчивы, а если присмотрѣться, скупы.—Но это недостатки характера, а не старости. Притомъ эта характерность и названные недостатки имѣютъ извѣстное извиненіе, не основанное, правда, на правѣ, но такое, какое принять можно: они думаютъ, что ихъ презираютъ, ими пренебрегаютъ, надъ ними смѣются; затѣмъ, хилому тѣлу досаденъ всякій толчокъ. Все это развитіе приходитъ къ болѣе пріятному исходу при хорошемъ характерѣ и хорошемъ образованіи: это можно видѣть и въ жизни и на сценѣ на двухъ братьяхъ, представленныхъ въ Adelphi. Какая грубость въ одномъ и обходительность въ другомъ! Дѣло вотъ въ чемъ: какъ не всякое вино, такъ и не всякій характеръ портится отъ старости. Я одобряю серьезность въ старости, но какъ и все другое—въ извѣстныхъ предѣлахъ; угрюмость ни въ какомъ случаѣ

Но какая цѣль старческой скупости—я не понимаю. — Можетъ ли быть что-нибудь противнѣе здравому смыслу, какъ искать запаса на путь тѣмъ больше, чѣмъ меньше остается пути.

XIX.

4-й пунктъ обвиненія.

Остается четвертый доводъ, который, кажется, болѣе всѣхъ мучитъ и заставляетъ безпокоиться нашъ возрастъ—приближеніе смерти, которая, конечно, не можетъ быть далека отъ старости. Достойный сожалѣнія старикъ! если онъ въ такой долгой жизни не понялъ, что смерть надо считать моментомъ, не имѣющимъ значенія; на нее или вовсе не надо обращать вниманія, если она совсѣмъ уничтожаетъ душу, или надо даже желать, если она отводитъ душу куда-нибудь туда, гдѣ она будетъ вѣчной. Третьяго чего-нибудь, конечно, нельзя найти. Такъ чего же мнѣ бояться, если послѣ смерти я или не буду несчастенъ, или даже буду счастливъ? Впрочемъ, кто настолько безуменъ, хотя бы и молодъ, которому бы казалось за навѣрное, что онъ доживетъ до вечера. Этотъ возрастъ имѣетъ гораздо болѣе случаевъ, могущихъ привесть смерть, чѣмъ нашъ: молодые скорѣе впадаютъ въ болѣзнь, тяжелѣе болѣютъ, труднѣе вылѣчиваются; такъ что до старости доживаютъ немногіе; если бы не это, то жилось бы лучше и ровнѣе. Дѣло въ томъ, что старики обладаютъ умственными силами: разсудительностью и обдуманностью; если бы ихъ вовсе не было, то не было бы вовсе и государственной жизни. Я возвращаюсь къ угрожанію смерти; что же это за вина старости, когда это, какъ вы видите, у ней обще съ молодостью? Что смерть обща всѣмъ возрастамъ, я узналъ это на лучшемъ сынѣ, а ты, Сципіонъ, на братьяхъ, предназначаемыхъ для высшихъ степеней почестей.

Но юноша надѣется, что онъ проживетъ долго, на что не можетъ надѣяться старикъ. Безразсудная надежда. Что свойственнѣе отсутствію ума, какъ считать за вѣрное—невѣрное, за истину—ложь? Но у старика нѣтъ ничего, на что бы надѣяться. Но вѣдь тѣмъ-то онъ и въ лучшемъ положеніи, чѣмъ юноша, достигнувъ уже того, на что тотъ надѣется. Тотъ хочетъ долго жить, а этотъ уже жилъ долго. Но, всемилостивые боги! что значитъ въ жизни человѣка слово „долго"? Дай намъ самое продолжительное время жизни, мы пожалуй захотимъ жизни царя Тартеліевъ — былъ, пишутъ, въ Гадесѣ нѣкто Арганѳоній, царствовавшій 80 лѣтъ, и жившій 120. А мнѣ ничто не кажется продолжительнымъ, въ чемъ есть какой-нибудь конецъ. Именно, когда конецъ подходитъ, тогда прошедшее исчезаетъ; остается только то, чего достигнулъ нормальною жизнью, честными поступками. Проходятъ часы, дни, мѣсяцы, годы, а прошедшее никогда не возвращается, и нельзя знать, что будетъ дальше. Кому какое время дано для жизни, тѣмъ онъ и долженъ быть доволенъ. Какъ актеру, чтобы понравиться, не надо играть піесу до конца, лишь бы его одобрили въ томъ актѣ, гдѣ онъ игралъ; такъ и человѣку, живущему здравымъ разсудкомъ, не надобно доживать до „апплодируйте": краткое время жизни достаточно продолжительно для нравственно-хорошей, достойной чести жизни. Если же жизнь пойдетъ далѣе, не больше должно жалѣть, какъ жалѣютъ земледѣльцы о томъ, что прошло пріятное время весны и наступили лѣто и осень. Весна обозначаетъ, такъ сказать, юность и показываетъ будущіе плоды; остальные періоды жизни предназначены для жатвы и уборки плодовъ. А плоды для старости, какъ часто говорилъ, есть воспоминаніе и изобиліе прежде пріобрѣтенныхъ благъ.

Далѣе, все, что происходитъ сообразно съ природой, нужно считать въ числѣ благъ. А что такъ сообразно съ природой, какъ старикамъ умирать? это же самое случается и съ молодыми, несмотря на сопротивленіе и борьбу природы. Поэтому смерть молодыхъ мнѣ представляется такъ, какъ когда пламя подавляется массою воды; а смерть стариковъ такъ, какъ когда огонь безъ всякаго посторонняго препятствія, тух-

нетъ, исчезая самъ по себѣ, и какъ напр. плоды на деревьяхъ, если они сыры, срываются съ трудомъ, если же пришло время и они созрѣли, они спадаютъ, такъ насиліе уноситъ жизнь юношей, время—стариковъ; но жизнь мнѣ такъ пріятна, что чѣмъ ближе я подхожу къ смерти, мнѣ кажется, что я какъ бы вижу землю, и что наконецъ-то послѣ долгаго плаванія я войду въ гавань.

XX.

Для старости нѣтъ никакой опредѣленной цѣли, и потому въ ней живутъ нормально, пока могутъ выполнять долгъ: изъ этого выходитъ, что старость даже смѣлѣе и увереннѣе юности. Это именно и отвѣтилъ Солонъ тиранну Пизистрату: говорятъ, когда этотъ спросилъ его: „на что онъ полагается, что такъ настойчиво противится ему", онъ отвѣтилъ ему: „на старость". Но тотъ самый лучшій конецъ жизни, когда та же самая природа, которая сплотила, и разрушаетъ свое твореніе, обладающее еще свѣтлымъ умомъ и непритупленными чувствами. Какъ корабль, зданіе разбираетъ очень легко тотъ, кто его строилъ, такъ и человѣка лучше всего уничтожаетъ природа, которая его сплотила. Всякое новое соединеніе разрывается съ болью, старое—легко. Отсюда выходитъ, что старики съ одной стороны не должны съ слѣпою страстностью стремиться къ этому короткому остатку жизни, съ другой не должны безъ основанія и бросать его. Пиѳагоръ и запрещаетъ „выходить изъ стоянки жизни безъ приказанія полководца, т.-е. бога". Есть и изреченіе мудраго Солона, гдѣ онъ говоритъ, что онъ не хочетъ, чтобы его смерть была безъ скорби и слезъ друзей. Кажется, онъ хотѣлъ быть дорогимъ для своихъ. Но едва ли не лучше сказалъ Энній: „пусть никто не украшаетъ меня слезами и не сопровождаетъ съ плачемъ". Онъ полагаетъ, что о смерти не должно плакать, потому что за ней слѣдуетъ безсмертіе.

Далѣе, какое-нибудь чувство умиранія можетъ быть и притомъ малый промежутокъ времени, особенно у старика: а послѣ смерти ощущенія или надо желать (если есть), или его вовсе нѣтъ. А чтобы пренебрегать смертью, всякій обязанъ съ юности держаться такого направленія мыслей; безъ этого образа мыслей никто не можетъ быть спокоенъ. Конечно, надо умирать, и неизвѣстно, можетъ быть, въ этотъ именно день. А боясь въ каждую минуту грозящей смерти, кто можетъ быть твердъ духомъ? Кажется, не такъ долго придется разсуждать объ этомъ, если я припомню не о Брутѣ, убитомъ при попыткѣ освобожденія отечества, ни объ обоихъ Деціяхъ, понесшихся на коняхъ на добровольную смерть, ни о М. Атилѣ, отправившемся на казнь, чтобы сдержать клятву, данную врагу, ни объ обоихъ Сципіонахъ, хотѣвшихъ загородить дорогу Пунійцамъ хотя бы своими тѣлами, ни о дѣдѣ твоемъ Л. Павлѣ, смывшемъ своею смертью безразсудную отвагу коллеги въ каннскомъ позорѣ, ни о М. Марцеллѣ, послѣ смерти котораго даже заклятый врагъ не потерпѣлъ, чтобы онъ былъ лишенъ чести погребенія, а о томъ, что наши легіоны часто, не задумываясь, отважно шли туда, откуда они никогда не надѣялись на возвращеніе. Стало быть, образованные старики будутъ бояться того, на что легко смотрятъ молодые и притомъ не только необразованные, но даже простые мужики? Однимъ словомъ, какъ мнѣ кажется, насыщеніе всѣмъ дѣлаетъ и насыщеніе жизнью. Есть извѣстные интересы въ дѣтствѣ: такъ развѣ юноши жалѣютъ о нихъ? Есть извѣстные интересы въ юношествѣ; такъ развѣ возмужалость, которая называется среднимъ возрастомъ, еще ищетъ ихъ? Есть также и въ этомъ возрастѣ извѣстные интересы, и ихъ также не ищутъ въ старости. Есть, наконецъ, извѣстнаго рода интересы въ старости: но какъ падаютъ интересы прежнихъ возрастовъ, такъ падаютъ и интересы старости; когда это случится, то насыщеніе жизнью дѣлаетъ время подготовленнымъ для смерти.

XXI.

Я не вижу, почему бы мнѣ не смѣть высказать своего взгляда на старость, потому что мнѣ кажется, что я тѣмъ лучше ее вижу, чѣмъ ближе отъ нея нахожусь. Мое личное мнѣніе, П. Сципіонъ и Г. Лелій, таково, что ваши отцы, мужи славнѣйшіе и мои большіе пріятели, живутъ, и эта-то жизнь и есть то единственное, что надо называть жизнью. Именно все время, пока мы заключены въ этихъ оковахъ тѣла, мы подчинены, такъ сказать, закону необходимости, обязанности тяжелой: дѣло въ томъ, что душа, имѣющая божественную основу, понижена съ высочайшаго мѣстопребыванія и, такъ сказать, опущена на землю, мѣсто, противоположное божественной и вѣчной природѣ. Я вѣрю, что безсмертные боги разсѣяли души въ человѣческія тѣла такъ, чтобы онѣ были способны всматриваться въ законы земли и, созерцая порядокъ небесныхъ явленій, подражать ему въ порядкѣ жизни — послѣдовательности. Побудило меня вѣрить этому не только логичность разсужденій, но общепризнанный авторитетъ величайшихъ философовъ. Я слыхалъ, что Пиѳагоръ и Пиѳагорейцы, почти земляки наши, называемые прежде италійскими философами, не сомнѣвались, что мы имѣемъ души, составляющія частицу цѣлой божественной мысли. На эту же мысль я былъ наведенъ, кромѣ того, тѣмъ разсужденіемъ, которое велъ Сократъ въ послѣдній день своей жизни о безсмертіи души,—Сократъ, признанный оракуломъ Аполлона мудрѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Что же? мое такое убѣжденіе, такое мнѣніе, что если душа обладаетъ такими жизненными силами, такою памятью прошедшаго, предусмотрительностью будущаго, столькими науками, столькими изобрѣтеніями, то основа, обнимающая это, не можетъ быть смертной, и если душа въ вѣчномъ движеніи и не имѣетъ начала движенія, потому что она сама себя движетъ, то она и не будетъ имѣть конца движенія, потому что она сама себя никогда не покинетъ, а такъ какъ природа души простая, и не имѣетъ примѣси неравнаго и непохожаго себѣ, то она недѣлима, а если она не можетъ дѣлиться, то не можетъ и погибнуть: сильнымъ аргументомъ тому служитъ то, что люди знаютъ многое прежде, чѣмъ родятся, потому что еще мальчиками, когда они изучаютъ трудныя науки, они такъ скоро схватываютъ безчисленное множество фактовъ, что, кажется, будто они ихъ не теперь только усвояютъ, а возобновляютъ въ памяти. То же почти говоритъ и Платонъ.

XXII.

А у Ксенофонта Киръ Старшій передъ смертью говоритъ такъ: „Не думайте, мои милыя дѣти, что когда я уйду отъ васъ, то не буду нигдѣ, или буду ничто: пока я былъ съ вами, вы не видали моей души, но вы понимали, что она есть въ этомъ тѣлѣ, изъ того, что я дѣлалъ. Итакъ вѣрьте, что она есть, если даже вы ее и не видали. Послѣ смерти славныхъ мужей не оставалось бы почетной памяти о нихъ, если бы духовныя силы ихъ не сдѣлали ничего такого, благодаря чему мы удерживали бы память о нихъ. Меня по крайней мѣрѣ никогда нельзя было убѣдить, что души, пока онѣ въ смертныхъ тѣлахъ, живы, какъ выйдутъ изъ нихъ, умираютъ, и что, выйдя изъ лишеннаго умственной жизни тѣла, душа бываетъ тогда лишена умственной жизни, но я убѣжденъ, что освободясь отъ всякаго общенія тѣла и начавши быть первоначально чистой, она тогда-то и обладаетъ умственной жизнью. Кромѣ того, когда природа человѣка разрушается смертью, ясно, куда уходятъ остальныя составныя части ея— все идетъ туда, откуда вышло,—объ одной только душѣ неясно ни тогда, когда она находится въ насъ, ни тогда, когда уходитъ. Далѣе, вы знаете, что ничего нѣтъ столь подобнаго смерти, какъ сонъ; во время сна души наглядно доказываютъ свою божественность: свободныя отъ волненій и дѣятельности, онѣ провидятъ будущее. Отсюда понятно, какова она будетъ, когда совсѣмъ освободится отъ оковъ тѣла. Въ такомъ случаѣ, заклю-

чаетъ онъ, почитайте меня, какъ бога: если же душа должна погибнуть вмѣстѣ съ тѣломъ, то, уважая боговъ, заботящихся и управляющихъ всѣмъ этимъ стройнымъ міромъ, вы сохраните священную и ненарушимую память обо мнѣ“.

XXIII.

Такъ говорилъ передъ смертью Киръ. А мы, если угодно, разберемъ мое мнѣніе. Никто никогда, Сципіонъ, не убѣдитъ меня, что твой отецъ Павелъ или оба дѣда, Павелъ и Африканъ, или отецъ, или дядя Африкана, или многіе другіе выдающіеся мужи, которыхъ перечислять нѣтъ необходимости, попытались бы дѣлать дѣла, которыя имѣли бы интересъ въ потомствѣ, если бы они не видѣли своимъ духовнымъ окомъ, что они имѣютъ интересъ въ потомствѣ. Неужели ты думаешь—по обычаю стариковъ похвалюсь собой—что я принялъ бы на себя столько дневныхъ и ночныхъ трудовъ и въ мирное и въ военное время, если бы я думалъ, что слава моя ограничена тѣми же предѣлами, что и жизнь? Не гораздо ли лучше было проводить жизнь беззаботно и спокойно, безъ всякаго труда и напряженія? Но душа, воодушевляясь какъ-то, такъ непрестанно имѣла въ виду потомство, какъ будто бы она будетъ жить только тогда, когда выйдетъ изъ этой жизни. Въ противномъ случаѣ, если бы душа не была безсмертна, то душа всѣхъ лучшихъ людей не стремилась бы болѣе всего къ вѣчной славѣ. Далѣе, всѣ живущіе особенно сильно духовною жизнью, умираютъ весьма спокойно, всѣ непонимающіе принциповъ жизни—весьма неспокойно; не думаете ли вы, что душа того, кто больше и дальше смотритъ, понимаетъ, что она отправляется къ лучшему, а душа того, чей взоръ тупъ, не понимаетъ этого? Что касается меня, то я увлекаюсь желаніемъ видѣть вашихъ отцовъ, которыхъ я уважалъ и любилъ, и понятно, стремлюсь увидѣть не только тѣхъ, кого я самъ зналъ, но и тѣхъ, о комъ я слышалъ,

читалъ и самъ писалъ. И если я иду туда, то не легко, конечно, можно вернуть меня и разубѣдить, какъ Пелія. И если бы какой-нибудь богъ вдругъ дозволилъ мнѣ сдѣлаться опять ребенкомъ и прыгать въ колыбели, я вполнѣ бы отказался: не захотѣлъ бы, пройдя все пространство, опять возвратиться къ началу. Что за удобство въ жизни? не больше ли въ ней труда? Положимъ, жизнь имѣетъ удобства, но во всякомъ случаѣ имѣетъ и пресыщеніе и мѣру. Я не хочу оплакивать жизнь, какъ дѣлали многіе, даже и философы, но мнѣ и не прискучила жизнь, потому что я такъ жилъ, что полагаю, я не напрасно родился, и изъ жизни выхожу такъ, какъ будто изъ гостей, а не изъ дома. Природа дала намъ гостиницу для отдыха, и не дала мѣста жительства. О славный день! когда я отправлюсь въ то божественное собраніе душъ и когда выйду изъ этой безпорядочной и грязной толпы! Я пойду не только къ тѣмъ, о комъ раньше сказалъ, но и къ моему Катону, лучше котораго никогда не рождался человѣкъ и котораго никто не превосходилъ любовью: чье тѣло было мною сожжено (а слѣдовало бы наоборотъ — моему быть сожжену имъ), а душа, не покидая меня, и глядя на меня, отошла конечно, въ тѣ мѣста, куда, она видѣла, мнѣ самому надо итти. Повидимому я перенесъ это несчастіе мужественно, не потому, чтобы я переносилъ его равнодушно, но я утѣшалъ себя самого, полагая, что недолго будетъ между нами разлука. Вотъ отъ чего, Сципіонъ—вѣдь ты сказалъ, что ты дивишься съ Леліемъ—старость мнѣ легка, и не только не непріятна, но пріятна. Если даже я заблуждаюсь въ томъ, что вѣрю въ безсмертіе человѣческихъ душъ, то я охотно заблуждаюсь и не хочу, пока живъ, чтобы меня вывели изъ заблужденія, доставляющаго мнѣ утѣшеніе; если же по смерти, какъ думаютъ многіе незначительные философы, я ничего не буду чувствовать, то я не боюсь, что умершіе философы осмѣютъ это мое заблужденіе. Если же мы не будемъ безсмертны, то все-таки человѣку свойственно желать уничтожиться въ свое время: природа имѣетъ извѣстную мѣру, какъ во всемъ

остальномъ, такъ и въ жизни. Старость есть, какъ въ драмѣ, послѣднiй актъ жизни; мы должны бѣжать отъ ея утомленiя, особенно если присоединится пресыщенiе.

Заключенiе.

Вотъ что я имѣлъ сказать о старости; о если бы вы дошли до нея, чтобы могли испытавши на дѣлѣ, согласиться съ тѣмъ, что я сказалъ!

М. ТУЛЛIЯ ЦИЦЕРОНА.

ЛЕЛIЙ

О ДРУЖБѢ.

I.

ВВЕДЕНIЕ.

Кв. Муцiй авгуръ съ удовольствiемъ обыкновенно разсказывалъ многое о тестѣ своемъ Лелiи и не колебался постоянно называть его мудрымъ. По достиженiи мною совершеннолѣтiя отецъ такъ всецѣло передалъ меня Сцеволѣ, что я, пока возможно было, никогда не отлучался отъ старика. Такимъ образомъ я запоминалъ всѣ его мудрыя разсужденiя, многiя даже вскользь, но удачно сказанныя слова, и старался научиться его мудрости. По смерти его, я обратился къ понтифику Сцеволѣ, кого осмѣливаюсь назвать единственнымъ лицомъ въ нашемъ государствѣ по выдающемуся уму и справедливости. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ; теперь возвращаюсь къ авгуру.

Вспоминая часто обо многомъ, я помню, какъ онъ, сидя дома по обыкновенiю на диванѣ, когда и я былъ тамъ и немногiе самые близкiе люди, случайно заговариваетъ о томъ, что было тогда у многихъ почти исключительно на устахъ. Ты вѣдь помнишь, конечно, Аттикъ, тѣмъ болѣе, что ты часто бывалъ съ П. Сульпицiемъ, какъ говорили и дивились всѣ, когда онъ въ должности народнаго трибуна разошелся въ смертельной враждѣ съ Гн. Помпеемъ, тогдашнимъ кон-

суломъ, съ которымъ онъ жилъ прежде въ самой тѣсной дружбѣ и любви. Случайно вспомнивъ объ этомъ, Сцевола изложилъ намъ бесѣду Лелія о дружбѣ, которую велъ тотъ съ нимъ и другимъ зятемъ Г. Фанніемъ, сыномъ Марка, спустя нѣсколько дней послѣ смерти Африкана. Я запомнилъ идеи этого разсужденія и изложилъ ихъ въ этой книгѣ своими словами: я вывелъ ихъ самихъ говорить за себя, чтобы не вставлять слишкомъ часто inquam и inquit, и чтобы казалось, будто бесѣда ведется предъ лицомъ читателя. Такъ какъ ты часто говорилъ со мной, чтобы я написалъ что-нибудь о дружбѣ,—мнѣ казалась эта вещь достойной и ознакомленія всѣхъ и нашей дружбы. Я дѣлаю съ большой охотой, чтобы помочь многимъ по просьбѣ твоей. Но какъ въ „*Старшемъ Катонѣ*", разсужденіи о старости, посвященномъ тебѣ, я представилъ Катона старикомъ, потому что такой характеръ былъ наиболѣе удобенъ для разсужденія объ этомъ возрастѣ, какъ лица, долѣе всѣхъ бывшаго старикомъ и въ самой старости выдававшагося передъ всѣми; такъ слыша отъ отцовъ, что особенно замѣчательна была дружба Г. Лелія и П. Сципіона, личность Лелія мнѣ показалась удобной для высказыванія о дружбѣ тѣхъ самыхъ идей, которыя, какъ помнилъ Сцевола, были высказаны имъ. Такой способъ бесѣдъ, освященный людьми стараго времени и притомъ людьми, окруженными славой, имѣетъ въ себѣ почему-то болѣе убѣдительности. Читая свое, самъ я иногда увлекаюсь такъ, что думаю, что слышу не себя, а Катона. Но какъ тогда я, старикъ, посвятилъ тебѣ, старику, сочиненіе о старости, такъ и теперь посвящаю, какъ другъ, другу книгу о дружбѣ. Тогда говорилъ Катонъ, старше и опытнѣе котораго тогда не было никого; теперь о дружбѣ будетъ говорить Лелій и мудрый—таковымъ онъ считается—и пріобрѣтшій славу своей дружбы. На время ты позабудь обо мнѣ и думай, что говоритъ самъ Лелій. Г. Фанній и Кв. Муцій приходятъ послѣ смерти Африкана къ тестю: они начинаютъ разговоръ, Лелій отвѣчаетъ, вся бесѣда его идетъ о дружбѣ; читая, ты узнаешь самого себя.

II.

Фанній. Такъ, Лелій, лучше и славнѣе Африкана не было никого. Но ты долженъ помнить, что взоры всѣхъ обращены на тебя одного; тебя называютъ и считаютъ мудрымъ. Это воздавалось только М. Катону; мы знаемъ, что отцы наши называли мудрымъ Л. Ацилія; но тотъ и другой былъ мудръ въ своемъ особомъ родѣ: Ацилій—потому что считался знатокомъ гражданскаго права, Катонъ—потому, что былъ многосторонне-опытенъ: много говорили о его предусмотрительности въ рѣчахъ, настойчивости въ дѣлахъ, мѣткости въ отвѣтахъ и въ сенатѣ и на форумѣ; вслѣдствіе этого онъ имѣлъ въ старости какъ бы прозваніе „мудрый". Относительно же тебя они полагаютъ, что ты мудръ въ другомъ отношеніи, не только отъ природы и по характеру, но и по своимъ стремленіямъ и свѣдѣніямъ, и притомъ не въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ толпа, но въ томъ, въ какомъ употребляютъ обыкновенно названіе „мудрый" образованные люди; „мудраго" въ этомъ смыслѣ въ Греціи нѣтъ никого; разбирая глубже этотъ вопросъ, не считаютъ въ числѣ мудрецовъ такъ наз. 7 философовъ; въ Аѳинахъ, знаемъ, былъ одинъ и притомъ считающійся мудрѣйшимъ даже оракуломъ Аполлона,—они полагаютъ въ тебѣ мудростью то, что ты считаешь, что все твое заключено въ тебѣ, и думаешь, что всѣ явленія человѣческой жизни подчинены принципамъ человѣчности. Поэтому они спрашиваютъ меня, я увѣренъ въ томъ и относительно Сцеволы, какъ переносишь ты же самомъ и относительно Сцеволы, какъ переносишь ты смерть Африкана, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе ноны, когда мы по обыкновенію собрались въ садахъ Д. Брута, авгура, для бесѣдъ, не было тебя, хотя ты всегда весьма аккуратно не пропускалъ этого дня и не уклонялся отъ этой обязанности.

Сцевола. Дѣйствительно, Г. Лелій, настойчиво допрашиваютъ, какъ сказалъ Фанній, но я отвѣчаю имъ то, что я замѣтилъ, что ты спокойно переносишь скорбь, причиненную тебѣ смертью твоего величайшаго и ближайшаго друга, что

ты не могъ не быть тронутъ, и что это было бы несвойственно твоему человѣколюбію; а что касается того, что въ ноны тебя не было въ нашемъ собраніи, то я объясняю это состояніемъ твоего здоровья, а не упадкомъ духа.

Лелій. Совершенно правильно и вѣрно, Сцевола; я не имѣлъ бы права вслѣдствіе личной непріятности упустить ту обязанность, которую я исполнялъ всегда при здоровьѣ, да и полагаю, что не можетъ случиться, чтобы какое-нибудь событіе въ жизни заставило человѣка, обладающаго твердымъ характеромъ, сдѣлать какое-нибудь упущеніе въ исполненіи обязанности. А что касается того, что ты, Фанній, говоришь, что мнѣ воздается столько, сколько я и не допускаю и не желаю, то ты дѣлаешь очень любезно, но, какъ кажется, неправильно судишь о Катонѣ. Именно: или никто не мудръ, въ чемъ я по крайней мѣрѣ болѣе увѣренъ, а если кто-нибудь, то это былъ онъ. Не говоря объ остальномъ, какъ перенесъ онъ смерть сына! Я помню Павла, видѣлъ Гала, но тѣ теряли сыновей, бывшихъ мальчиками, этотъ потерялъ сына—совершеннолѣтняго и уважаемаго мужа. Поэтому совѣтую не предпочитать Катону, пожалуй, даже и того самаго, котораго, какъ ты говоришь, Аполлонъ назвалъ мудрѣйшимъ: у него достойны хвалы дѣла, у этого—слова. Обо мнѣ же, это уже я говорю тому и другому, думайте такъ:

III.

Если бы я сталъ говорить, что я не тронутъ тоской по Сципіонѣ, то насколько правильно я дѣлалъ бы это, пусть судятъ философы, но, во всякомъ случаѣ, я лгалъ бы. Потеря такого друга, какимъ, я полагаю, никто никогда не будетъ, а насколько могу утверждать, никто не былъ—трогаетъ меня. Но я не нуждаюсь въ врачеваньѣ: я самъ утѣшаю себя и болѣе всего тѣмъ, что я лишенъ той ошибки ума, отъ которой обыкновенно мучится большая часть вслѣдствіе смерти друзей. Я полагаю, что съ Сципіономъ не слу-

чилось ничего дурного, а если что-нибудь случилось, то это случилось со мной; а тревожиться непріятностями своей жизни свойственно человѣку, который любитъ не друга, а себя самого. Кто скажетъ, что съ нимъ случилось нехорошо? Развѣ только, о чемъ онъ менѣе всего думалъ, онъ хотѣлъ бы имѣть себѣ безсмертіе, чего же не получилъ онъ, чего можно желать человѣку? Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, онъ тотчасъ же превзошелъ своей невѣроятной доблестью великія надежды гражданъ, которыя возлагались на него, когда онъ былъ еще мальчикомъ; не ища никогда консульства, онъ былъ выбранъ два раза консуломъ, первый разъ—раньше узаконеннаго времени, второй разъ—для него во время, но едва ли не поздно для государства; разрушивши два самыхъ враждебныхъ нашей власти города, онъ покончилъ не только настоящія, но даже и будущія войны. Что сказать объ обходительности его характера, объ уваженіи къ матери, о любви къ сестрамъ, о добротѣ къ роднымъ, о справедливости ко всѣмъ? Это извѣстно вамъ. А какъ онъ дорогъ былъ государству, это обнаружилось продолжительностью печальнаго настроенія при похоронахъ. Въ чемъ могла бы помочь ему прибавка нѣсколькихъ лѣтъ? Старость, хотя она и не тяжела, какъ, помню, разсуждалъ со мной и со Сципіономъ за годъ до своей смерти Катонъ, однако она уноситъ ту бодрость, которой владѣлъ еще теперь Сципіонъ. Такъ, жизнь его, благодаря ли счастью или славѣ, была такова, что ничего не можетъ больше прибавиться; а чувство приближенія акта умиранія унесла внезапность. О смерти такого рода не легко говорить; вы знаете, что подозрѣваютъ люди; однако можно сказать навѣрное, что изъ полныхъ славы и радости дней, которыхъ Сципіонъ много видѣлъ на своемъ вѣку, то́ былъ самый блестящій день: распустивши сенатъ, онъ вечеромъ сопровождаемъ былъ домой сенаторами, народомъ, союзниками и латинами—наканунѣ дня смерти, такъ что скорѣе похоже было, что послѣ такого величія онъ перешелъ къ надземнымъ, чѣмъ къ подземнымъ богамъ.

IV.

Я несогласенъ съ тѣми, которые недавно начали разсуждать, что вмѣстѣ съ тѣломъ гибнетъ и душа, такъ что смертью уничтожается все. По моему убѣжденію, болѣе имѣетъ значенія мнѣніе древнихъ, нашихъ ли предковъ, для которыхъ права мертвыхъ были такъ неприкосновенны, чего не было бы конечно, если бы они думали, что это не касается ихъ; тѣхъ ли, которые были въ этой землѣ и институтами и правилами просвѣтили Великую Грецію (она, правда, теперь разрушена, но тогда была въ процвѣтаніи), того ли, кто названъ мудрѣйшимъ оракуломъ Аполлона, у котораго всегда былъ одинъ принципъ, а не какъ у большинства, то тотъ, то другой, именно что души людей божественны, и что имъ притомъ открыто по выходѣ изъ тѣлеснаго возвращеніе на небо и притомъ вполнѣ безпрепятственное для всѣхъ нравственныхъ и справедливыхъ. Того же самаго принципа держался Сципіонъ, потому что онъ, какъ бы предсказывая, когда за нѣсколько дней до смерти въ присутствіи Фила, Манлія, нѣсколькихъ другихъ лицъ и ты, Сцевола, пришелъ со мной, предпринялъ трехдневное разсужденіе о республикѣ, конецъ котораго былъ почти что о безсмертіи души, что, по его словамъ, онъ слышалъ во снѣ отъ Африкана. А если дѣйствительно душа лучшихъ людей по смерти ихъ улетаетъ какъ бы изъ тюрьмы и оковъ тѣлеснаго прямо къ богамъ, то для кого же восшествіе къ богамъ прямѣе, чѣмъ для Сципіона? Поэтому я боюсь, какъ бы тоска по его уходѣ не засвидѣтельствовала скорѣе о зависти, а не о дружбѣ къ нему. Если же вѣрнѣе то мнѣніе, что душа и тѣло гибнутъ одинаково, и не остается никакого чувства, то въ смерти какъ нѣтъ ничего хорошаго, такъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего и дурного. По потерѣ чувства бываетъ то же самое, какъ будто бы не былъ вовсе рожденъ, а его рожденіемъ и мы довольны и государство будетъ благодарно, пока будетъ существовать. Поэтому съ нимъ, какъ я сказалъ, случилось очень хорошо; а для меня было бы скорѣе невыгодно, чѣмъ

справедливо, выйти изъ жизни раньше такъ же, какъ раньше вошелъ. Но воспоминаніе о нашей дружбѣ даетъ мнѣ такое удовольствіе, что кажется, что я прожилъ счастливо, потому что я жилъ съ Сципіономъ, съ которымъ у меня была общая забота объ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ, съ которымъ общи были у насъ и миръ и война—въ этомъ вся сила дружбы,—величайшее сходство въ желаніяхъ, стремленіяхъ, убѣжденіяхъ.—Потому мнѣ доставляетъ удовольствіе не столько эта молва о мудрости, о которой только что упомянулъ Фанній, особенно же ложная, сколько надежды на то, что память о нашей дружбѣ пребудетъ вѣчно, и это мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что изъ всѣхъ вѣковъ едва-ли называются три или четыре пары друзей; въ этомъ отношеніи, кажется, есть надежда, что дружба Сципіона и Лелія будетъ извѣстна потомству.

Фанній. Это, Лелій, такъ необходимо. Но такъ какъ ты вспомнилъ о дружбѣ, а мы свободны, то ты сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе—надѣюсь и Сцеволѣ тоже,—если изложишь намъ свои мысли о дружбѣ, о свойствѣ ея, о правилахъ для друзей, какъ обыкновенно ты разсуждаешь о прочихъ дѣлахъ, когда спрашиваютъ тебя.

Сцевола. Мнѣ по крайней мѣрѣ будетъ очень пріятно, и когда я хотѣлъ было попытаться заговорить о томъ же самомъ съ тобой, Фанній предупредилъ: поэтому ты сдѣлаешь намъ обоимъ удовольствіе въ полномъ смыслѣ слова.

V.

Свойство дружбы.

Лелій. Я, конечно, не сталъ бы дѣлать оговорокъ, если бы я вполнѣ надѣялся на себя: и тема—очень хорошая, и мы, какъ сказалъ Фанній, свободны. Но кто же я такой и что у меня за способность? У философовъ и притомъ греческихъ, существуетъ этакой обычай: имъ экспромтомъ предлагается

тема разсужденія. Дѣло это трудное и требуетъ не малаго навыка. Поэтому—мое мнѣніе—разсужденій о свойствѣ дружбы попросите у тѣхъ, которые имѣютъ это своей спеціальностью; что касается правилъ дружбы, то я могу вамъ только посовѣтовать предпочитать дружбу всѣмъ явленіямъ человѣческой жизни: нѣтъ ничего столь подходящаго къ естественнымъ принципамъ, столь удобнаго для счастливыхъ ли или несчастливыхъ случаевъ жизни. Но основное положеніе мое таково: дружба можетъ существовать только между нравственно-честными: это понятіе я не принимаю въ слишкомъ отвлеченномъ видѣ, какъ тѣ, которые научно разбираютъ этотъ вопросъ, можетъ быть, и вѣрно, но недостаточно практично: они говорятъ, что нравственно-честенъ только мудрецъ. Положимъ, это такъ: но для мудрости они даютъ такое опредѣленіе, что ему не удовлетворилъ еще ни одинъ смертный; предметомъ же нашего изслѣдованія должно быть то, что есть въ практической жизни людей, а не то, что существуетъ въ идеалѣ. Сообразно съ даннымъ ими опредѣленіемъ, я не могу никогда назвать мудрыми Г. Фабриція, Манл. Курія, Тиб. Корунканія—лицъ мудрыхъ на взглядъ нашихъ предковъ. Такъ пусть себѣ они считаютъ мудрость достойной стремленія и существующей въ отвлеченіи; можетъ быть они уступятъ, что были люди нравственно-честные. Они не сдѣлаютъ и этого; они скажутъ, что это можно уступить только мудрецу. Такъ будемъ дѣйствовать, какъ говорятъ, попросту. Тѣ, которые ведутъ себя такъ и такъ живутъ, что очевидны ихъ честность, безкорыстіе, справедливость, благородство, и не обнаруживаютъ никакой страсти, произвола, наглости, а напротивъ постоянство, каковыми и были тѣ, которыхъ я только-что назвалъ: будемъ держаться того убѣжденія, что такіе люди нравственно-честны, какъ они и считались, и что такъ ихъ и называть надо, потому что они слѣдуютъ, насколько это возможно для людей, природѣ — наилучшей руководительницѣ нравственно-честной жизни. Именно я держусь такого убѣжде-

нія, что природное наше свойство таково, что между всѣми нами есть, такъ сказать, связь сообщества, и тѣмъ болѣе тѣсная, чѣмъ кто ближе другъ къ другу подходитъ. Поэтому граждане лучше чужеземцевъ, родственники—лучше чужихъ, сама природа сдружила ихъ; но эта дружба недостаточно прочна.— Дружба стоитъ выше родственной связи тѣмъ, что изъ родственной связи можетъ быть выброшена благосклонность, изъ дружбы же — не можетъ; уничтоживши благосклонность, уничтожается самое имя дружбы, остается имя родства. А какова сила дружбы, лучше всего можно видѣть изъ того, что изъ безграничной, общественной связи человѣческаго рода, данной самой природой, отношенія дружбы принимаютъ такой узкій и частный характеръ, что вся любовь сосредоточивается между двумя или нѣсколькими.

VI.

Итакъ дружба есть не что иное какъ согласіе во всѣхъ божественныхъ и человѣческихъ дѣлахъ, соединенное съ благосклонностью и любовью: за исключеніемъ мудрости, я не знаю, едва-ли что-нибудь лучшее ея дано богами человѣку. Одни предпочитаютъ богатство, другіе—здоровье, тѣ—власть, эти — почести, многіе даже — удовольствія. Это послѣднее составляетъ цѣль животной жизни, вышеназванныя — шатки и невѣрны, основаны не столько на нашей предусмотрительности, сколько на слѣпой судьбѣ. А тѣ, которые высшее благо полагаютъ въ принципахъ человѣчности, дѣлаютъ очень хорошо; но этотъ самый принципъ рождаетъ и крѣпитъ дружбу, и безъ него никоимъ образомъ не можетъ быть дружбы. Дадимъ же опредѣленіе принциповъ человѣчности на основаніи фактовъ жизни и словоупотребленія, а не будемъ говорить о ней, по примѣру нѣкоторыхъ философовъ, пышными фразами: будемъ считать нравственно-честными людьми тѣхъ, которые считаются таковыми, Павловъ, Катоновъ, Галовъ, Сципіоновъ, Филовъ, — обыденная жизнь довольна ими,—а тѣхъ, которыхъ вовсе нигдѣ

нѣтъ, опустимъ. Дружба между такими людьми имѣетъ громадныя выгоды, о какихъ я едва въ состояніи сказать. Прежде всего какимъ образомъ можетъ, по выраженію Эннія, „жизнь быть жива“, если она не находитъ успокоенія на взаимномъ благорасположеніи друга? Что можетъ быть пріятнѣе, какъ имѣть человѣка, съ которымъ ты рѣшился бы говорить такъ же, какъ съ самимъ собою? Наслажденіе удачей можетъ быть велико тогда только, если ты имѣешь человѣка, который радовался бы ей такъ же, какъ и ты? А переносить неудачу было бы трудно безъ того, которому она доставляла бы неудовольствія даже больше, чѣмъ тебѣ. Наконецъ, изъ остальныхъ явленій жизни, къ которымъ стремятся, каждое удобно, можно сказать, въ единичныхъ случаяхъ: богатство, чтобы пользоваться имъ; власть, чтобы уважали тебя; почести, чтобы преклонялись предъ тобой; удовольствія, чтобы наслаждаться ими; здоровье, чтобы быть свободнымъ отъ боли и отправлять физическія потребности; дружба обнимаетъ множество выгодъ: куда ни обернись, она тамъ, нигдѣ не бываетъ она неумѣстна, никогда не бываетъ она несвоевременна, никогда не бываетъ тягостна. Поэтому мы пользуемся дружбой въ большей части случаевъ, чѣмъ, какъ говорятъ, огнемъ и водой. Я говорю теперь не объ обыкновенной или только посредственной дружбѣ, которая тоже приноситъ и наслажденіе и пользу, но объ истинной и совершенной дружбѣ, которая была между тѣми, которые считаются въ числѣ немногихъ. Удачу дружба дѣлаетъ еще болѣе блестящей,—неудачу, дѣля съ другими, облегчаетъ.

VII.

Сила дружбы.

Содержа въ себѣ громадное множество величайшихъ выгодъ, дружба сама, конечно, превосходитъ всѣ: сіяя въ настоящемъ, она даетъ хорошую надежду въ будущемъ и не даетъ духу ослабѣть или упасть. Глядя на истиннаго друга, видишь какъ бы образецъ себя; такъ что и отсутствующіе присутствуютъ, и нуждающіеся—богаты, и слабые—сильны и, труднѣе сказать, мертвые—живы; такое уваженіе, память, тоска друзей провожаетъ ихъ: отъ чего смерть этихъ кажется счастіемъ, жизнь тѣхъ—достойной подражанія. Поэтому если ты исключишь изъ законовъ природы связь въ силу благорасположенія, то не будетъ въ состояніи существовать ни одинъ домъ, ни одинъ городъ; не будетъ продолжаться даже земледѣліе. Если это неясно, то силу дружбы и согласія можно видѣть изъ раздора и несогласія. Какой домъ такъ стоекъ, какое государство такъ крѣпко, чтобы не могло быть уничтожено до основанія ненавистью и враждою? изъ этого можно видѣть, какъ много хорошаго въ дружбѣ. Былъ же, говорятъ, въ Агригентѣ нѣкій философъ, говорившій въ вдохновеніи греческими стихами, что все, что неподвижно и что движется въ природѣ и во всей вселенной, то сопрягаетъ дружба и разъединяетъ несогласіе. Всѣ понимаютъ это и подтверждаютъ на дѣлѣ. Итакъ, если когда-нибудь будетъ обязанность подвергнуться опасностямъ съ другомъ или раздѣлить ихъ съ нимъ, кто найдется такой, который не превознесетъ этого величайшими похвалами? Какой шумъ поднялся на дняхъ въ театрѣ во время игры новой пьесы моего гостя и друга М. Пакувія! когда при незнаніи царя, кто—Орестъ, Пиладъ говорилъ, что онъ Орестъ, чтобы быть убитымъ за него, а Орестъ настаивалъ, что онъ—Орестъ, какъ и было на самомъ дѣлѣ. Поднявшись съ мѣстъ, они рукоплескали вымыслу, что же, думаю я, сдѣлали бы они при дѣйствительномъ случаѣ? Сама природа легко обнаруживала свое свойство, когда люди, не будучи въ состояніи сдѣлать этого сами, высказываютъ на другомъ, что это сдѣлано правильно.

Полагаю, что до сихъ поръ я могъ высказать о дружбѣ свои убѣжденія; если есть еще что-нибудь—а я думаю, что есть много—то спросите, если хотите у тѣхъ, которые разсуждаютъ объ этомъ.

Фаннiй. Мы лучше спросимъ у тебя: хотя я часто спрашивалъ у нихъ и слушалъ ихъ съ охотой; но у тебя другой какой-то способъ изложенiя.

Сцевола. Ты еще болѣе настаивалъ бы, Фаннiй, на этомъ, если бы ты былъ на дняхъ въ садахъ Сципiона, когда шло разсужденiе о республикѣ: какъ онъ выступилъ тогда защитникомъ справедливости противъ искусной рѣчи Фила.

Фаннiй. Конечно, легко было защищать справедливость справедливѣйшему человѣку.

Сцевола. А что же дружбу? неужели не легко защитить ее тому, который прославился всюду сохраненiемъ ее, благодаря въ высшей степени честности, постоянству и справедливости?

VIII.

Лелiй. Это значитъ дѣлать насилiе: что за важность въ томъ, какъ вы меня заставляете, все таки заставляете. А противиться желанiямъ зятьевъ, особенно въ дѣлѣ хорошемъ, и трудно и даже не справедливо.

Основа дружбы.

Ну такъ, когда мнѣ приходится размышлять о дружбѣ мнѣ обыкновенно кажется, что нужно особенно разобрать вопросъ, вслѣдствiе ли слабости и недостатка стремились къ дружбѣ, чтобы, мѣняясь взаимно услугами, получать отъ другого и воздавать за это ему то, чего кто самъ по себѣ сдѣлать не можетъ; или это принадлежитъ къ свойствамъ дружбы, а основа ея другая, болѣе отдаленная, болѣе совершенная и стоящая ближе къ самой природѣ. Любовь (amor), отъ чего и произведено слово „дружба“ (amicitia), приводитъ прежде всего ко взаимному благорасположенiю. Люди часто получаютъ выгоды даже отъ тѣхъ людей, которыхъ притворно уважаютъ и любятъ какъ друзей, и уважаютъ въ виду нужды; въ дружбѣ нѣтъ вымысла, нѣтъ притворства, а что

есть, то истинно и добровольно. Потому, кажется мнѣ, дружба происходитъ скорѣй отъ самой природы, чѣмъ отъ нужды, больше въ силу склонности души любить, испытывая при этомъ извѣстнаго рода чувство, чѣмъ отъ расчета, сколько пользы принесетъ она. Это можно замѣтить даже на нѣкоторыхъ животныхъ, которыя до извѣстнаго времени такъ любятъ своихъ дѣтей и такъ любимы ими, что это чувство ясно выступаетъ наружу. На человѣкѣ это еще очевиднѣе, во-первыхъ, изъ того нѣжнаго и сильнаго чувства между дѣтьми и родителями, которое можетъ прекратиться только вслѣдствiе гнуснаго преступленiя; затѣмъ, всякiй разъ какъ явится подобное чувство любви, если мы встрѣчаемся съ человѣкомъ, съ привычками и характеромъ котораго мы можемъ сойтись, потому что намъ кажется, что мы видимъ въ немъ какъ бы свѣтъ благородства и принциповъ человѣчности. А вѣдь нѣтъ ничего милѣе принциповъ человѣчности, ничто такъ не манитъ къ любви и уваженiю: ради нихъ и благородства мы какъ-то любимъ даже тѣхъ, кого никогда не видали. Кто не вспоминаетъ съ преданностью и любовью Г. Фабрицiя, Манл. Курiя, хотя бы и не видѣлъ ихъ никогда? Съ другой стороны кто не ненавидитъ Тарквинiя Гордаго, Сп. Кассiя, Сп. Мелiя? Съ двумя вождями былъ споръ изъ-за власти въ Италiи, Пирромъ и Ганнибаломъ; отъ перваго мы не отвращаемся за его благородство, другого наше государство всегда ненавидитъ за его безчеловѣчность.

IX.

Поэтому, если благородство таково, что мы уважаемъ его даже въ тѣхъ, кого никогда не видали, или, что еще больше, даже во врагѣ; что удивительнаго, что на людей сильно дѣйствуетъ, когда они видятъ нравственно-добрый образъ дѣйствiй, по принципамъ человѣчности тѣхъ, съ кѣмъ они могутъ быть въ сношенiи. Впрочемъ любовь упрочивается и отъ полученнаго благодѣянiя и отъ привязанности и отъ привычки;

если къ первому впечатлѣнію и первому чувству любви прибавится это, то явится благорасположеніе въ достойныхъ удивленія размѣрахъ. Если кто полагаетъ, что дружба происходитъ отъ слабости, чтобы имѣть человѣка, съ помощью котораго можно было бы получить то, чего каждый желаетъ и не имѣетъ,—какой низкій и неблагородный, такъ сказать, мотивъ для дружбы оставляютъ они, пытаясь вывести ее изъ безпомощности и нужды. Если бы это было такъ, то для дружбы наиболѣе способенъ былъ бы тотъ, въ комъ менѣе всего было бы самомнѣнія. А это совершенно наоборотъ. Ибо разъ кто дѣлается весьма самонадѣянъ, разъ кто въ высшей степени обладаетъ нравственными и умственными силами, такъ что ни въ комъ не нуждается, и полагаетъ, что все нужное для него заключается въ немъ самомъ, тотъ наиболѣе отличается въ стремленіи и уваженіи дружбы. Напримѣръ. Нуждался ли Африканъ во мнѣ? вовсе нѣтъ! да и я не нуждался въ немъ; но я уважалъ его, преклоняясь, такъ сказать, предъ его нравственной силой, а онъ съ своей стороны уважалъ меня въ силу, быть можетъ, нѣкотораго предположенія, которое онъ составилъ о моемъ характерѣ; привычка увеличила расположеніе. Хотя изъ этого и вышло много большой пользы, однако мотивы уваженія не исходили отъ надежды на нее. Какъ мы оказываемъ благодѣянія и щедрость не съ цѣлью получить благодарность—благодѣяній мы не даемъ взаймы, но отъ природы склонны къ благороднымъ поступкамъ,—такъ мы полагаемъ, что къ дружбѣ надо стремиться не изъ побужденій къ вознагражденію, но въ силу того, что вся выгода отъ нея заключается въ самой любви. Съ этимъ сильно расходятся тѣ, которые на основаніи животнаго принципа все возводятъ къ удовольствію,—и не удивительно, они не могутъ совершить чего-либо высокаго, возвышеннаго, если ихъ мышленіе нисходитъ до объекта столь низкаго, а слѣдовательно и столь ничтожнаго. Поэтому, въ своемъ разсужденіи мы ихъ оставимъ въ сторонѣ, а сами относительно этого будемъ держаться такого

взгляда, что отъ природы рождается чувство любви и привязанности благорасположенія, когда обнаружатся признаки благородства: получивъ безсознательное стремленіе къ нему, люди сходятся и сближаются, чтобы получить плодъ наслажденія отъ знакомства и характера того, кого начали любить, потому они равно и одинаково любятъ другъ друга и болѣе склонны для оказанія услугъ, чѣмъ для требованія ихъ, и въ этомъ у нихъ почетное соревнованіе. Такимъ образомъ польза изъ дружбы получается громадная, и начало ея отъ природы имѣетъ болѣе важности и вѣрнѣе, чѣмъ происхожденіе ея отъ слабости. Именно если бы польза была ферментомъ дружбы, то съ перемѣной ея, дружба разрушалась бы; но такъ какъ природа не можетъ мѣняться, то дружба, основанная на истинныхъ началахъ, вѣчна.

Итакъ вы видите начало дружбы,—можетъ быть, вы желаете еще что-нибудь?

Фанній. Нѣтъ, продолжай, Лелій! А за него, такъ какъ онъ моложе меня, я имѣю право отвѣтить.

Сцевола. Правильно; итакъ послушаемъ.

X.

Правила дружбы.

Лелій. Такъ слушайте же то, какъ мы часто разсуждали съ Сципіономъ на тему о дружбѣ. Хотя онъ и говорилъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ сохранить дружбу до послѣдняго дня жизни: или часто не бываетъ полезно одно и то же, или часто расходишься въ политическихъ мнѣніяхъ; часто также онъ говорилъ, что характеръ людей мѣняется частію отъ неудачъ жизни, частію отъ лѣтъ. Для примѣра онъ бралъ сравненіе изъ дѣтскаго возраста, именно, что самая горячая любовь мальчиковъ прекращалась вмѣстѣ съ совершеннолѣтіемъ; если же и протянется до юношескаго возраста, то она разрывается ссорой или изъ-за женитьбы или изъ-за какого-нибудь такого же выгоднаго положенія, кото-

рымъ не можетъ обладать одновременно тотъ и другой. Если же они протянутъ дружбу еще дольше, то все-таки она часто расшатывается, если имъ случится поспорить изъ-за почестей; нѣтъ большей язвы для дружбы, какъ въ большинствѣ людей страсть къ деньгамъ; въ лучшихъ людяхъ—споръ изъ-за почестей и славы, вслѣдствіе чего часто являлась сильнѣйшая вражда между самыми близкими друзьями. Глубокій и большею частію справедливый разрывъ бываетъ тогда, когда требуютъ отъ друзей того, что не соотвѣтствуетъ правиламъ нравственности и законности: или чтобы они служили ихъ прихотямъ или содѣйствовали имъ въ несправедливости; если же они отказываются, хотя бы и честно это дѣлали, то тѣ, кого они не послушались, ихъ обвиняютъ, что они пренебрегаютъ требованіями дружбы; они же, осмѣливаясь требовать отъ друзей Богъ-знаетъ чего, самымъ требованіемъ даютъ знать, что они все сдѣлаютъ ради друга. Когда такая жалоба ихъ долго повторяется, то не только исчезаютъ обыкновенно дружественныя отношенія, но рождается даже ненависть навсегда. Этой какъ бы роковой судьбы такъ много виситъ надъ дружбой, что избѣгнуть ихъ всѣхъ, говорилъ онъ, кажется ему, лежитъ не только во власти мудрости, но даже счастія.

XI.

Любовь въ дружбѣ.

Поэтому прежде всего посмотримъ, если хотите, какъ далеко должна простираться любовь въ дружбѣ. Если Коріоланъ имѣлъ друзей, неужели же они должны были нести съ нимъ оружіе противъ отечества? Обязаны ли были друзья помогать Вицеллину, когда онъ стремился къ царской власти, или Мелію? Мы видѣли, что когда Тиб. Гракхъ волновалъ республику, онъ былъ оставленъ Тубероном и сверстниками друзьями. А Блоссій изъ Кумъ, другъ вашей семьи, Сцевола, такъ какъ я былъ въ совѣтѣ у консуловъ Лената и

Рупилія, обратяся ко мнѣ, просилъ, чтобы я простилъ его и приводилъ въ извиненіе то обстоятельство, что онъ цѣнилъ Гракха такъ высоко, что думалъ, что надобно дѣлать все, что онъ ни захочетъ. Я спросилъ: „неужели даже, если бы онъ распорядился, чтобы ты поджегъ Капитолій"? „Такого распоряженія онъ никогда не сдѣлалъ бы, но если бы сдѣлалъ, я повиновался бы". Видите, какія преступныя слова! И, клянусь, онъ сдѣлалъ такъ или даже больше, чѣмъ сказалъ: не исполнялъ онъ безразсудныхъ приказаній Тиб. Гракха, а стоялъ во главѣ ихъ и не спутникомъ былъ онъ его безумныхъ поступковъ, а руководителемъ. Ослѣпленный, испугавшись новаго разслѣдованія дѣла, онъ убѣжалъ въ Азію, обратился къ врагамъ, будучи наказанъ государствомъ тяжкимъ и справедливымъ образомъ. Нѣтъ извиненія ошибки, если она сдѣлана ради друга: когда же виновницей дружбы будетъ убѣжденіе въ принципахъ человѣчности, то трудно остаться дружбѣ, если уклонишься отъ нихъ. Поэтому если бы мы сочли правильнымъ или уступать друзьямъ все, чего они ни захотятъ, и требовать отъ нихъ всего, чего мы ни захотимъ, то въ этомъ не было бы ошибокъ, если бы мы обладали мудростью въ совершенствѣ; но мы говоримъ о тѣхъ друзьяхъ, которые у насъ передъ глазами, которыхъ мы видимъ, или о которыхъ знаемъ. Намъ надобно ихъ брать въ примѣръ и преимущественно тѣхъ, которые ближе подходятъ къ мудрости. Мы видимъ, что Эмилій былъ близко знакомъ Лусцину—такъ передали намъ отцы—два раза вмѣстѣ они были консулами, коллегами по цензурѣ; затѣмъ передано потомству, что съ ними и между собой стояли въ очень тѣсной связи М. Курій, Тиб. Корунканій. Мы и предполагать даже не можемъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ требовалъ чего-либо отъ друга, что противно было бы требованіямъ чести, клятвы, долгу отечеству. Нужно ли говорить о такихъ людяхъ, что если бы кто и потребовалъ, то не получилъ бы, такъ какъ они были въ высшей степени честны, а исполнить какую-нибудь подобную просьбу или просить одинаково не честно? А за Тиб.

Гракхомъ слѣдовали Г. Карбонъ, Г. Катонъ, и въ то время въ очень незначительной степени братъ Гай, но теперь зато въ высшей степени настойчиво.

XII.

Законъ въ дружбѣ.

Такимъ образомъ въ дружбѣ законъ долженъ такъ опредѣляться, чтобы не просить чего-либо, порочащаго честь, и не исполнять такихъ просьбъ. Позоритъ честь и ни въ какомъ случаѣ недопустимо извиненіе какъ въ остальныхъ ошибкахъ, такъ и то, если кто сознается, что онъ ради друга совершилъ поступокъ, противный требованіямъ государства. Мы, Фанній и Сцевола, поставлены въ такое положеніе, что должны далеко видѣть явленія государственной жизни. Свернулъ уже нѣсколько въ сторону обычай предковъ. Тиб. Гракхъ пытался захватить царскую власть, да онъ даже и царствовалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Слышалъ ли и видѣлъ ли римскій народъ что-нибудь подобное? Я не могу вспомнить безъ слезъ, что сдѣлали послѣ его смерти послѣдователи его съ Сципіономъ. Тотчасъ послѣ наказанія Тиб. Гракха мы выдержали Карбона, какъ могли. Я не хочу говорить напередъ, чего жду я отъ трибунства Г. Гракха: незамѣтно движется впередъ, когда, разъ начавшись, что-нибудь стремится къ гибели. Вы видите на законахъ табеллярныхъ, сначала Габиніевомъ, спустя два года Кассіевомъ, уже раньше какой была язва. Мнѣ представляется, что я уже вижу народъ отдѣлившимся отъ сената,—важнѣйшія дѣла рѣшающимися мнѣніемъ толпы. Скорѣй научатся, какъ дѣлать это, чѣмъ какъ противостать этому. Такъ какъ безъ товарищей никто не дѣлаетъ подобныхъ попытокъ, то каковъ же результатъ вышеприведеннаго разсужденія? Хорошихъ людей должны наставлять, что если кто-нибудь несчастнымъ случаемъ попадетъ по незнанію въ такого рода дружественныя отношенія, то пусть они не думаютъ, что они связаны такъ, чтобы не отходить отъ друзей, даже

въ важномъ дѣлѣ дѣлающихъ ошибки; людей же нечестныхъ
должно наказывать и притомъ не меньше тѣхъ, кто послѣдо-
валъ за другимъ, чѣмъ тѣхъ, кто были вождями нечестныхъ
поступковъ. Кто въ Греціи былъ славнѣе Θемистокла? кто
былъ могущественнѣе? Когда онъ, предводительствуя войсками
въ Персидской войнѣ, освободилъ Грецію отъ рабства, а по-
томъ по ненависти былъ изгнанъ, онъ не вынесъ несправед-
ливости неблагодарнаго отечества, что долженъ бы былъ
вынесть: онъ сдѣлалъ то же, что за двадцать лѣтъ передъ
тѣмъ сдѣлалъ у насъ Коріоланъ. Помощникомъ имъ противъ
отечества не нашлось никого; поэтому оба лишили себя жизни.
Потому такое согласіе въ нечестныхъ дѣлахъ не только
нельзя прикрывать извиненіемъ дружбы, но скорѣй надо на-
казать самымъ тяжкимъ наказаніемъ, для того чтобы никто
не думалъ, что ему позволительно итти за другомъ, хотя бы
и идущимъ войной противъ отечества. Судя по ходу, при-
нятому жизнью, я не знаю, едва ли когда-нибудь не будетъ
этого у насъ, но меня не менѣе заботитъ вопросъ, какова будетъ
государственная жизнь послѣ моей смерти, чѣмъ то, какова
она сейчасъ.

XIII.

Такимъ образомъ въ дружбѣ главный законъ долженъ такъ
опредѣляться: отъ друзей требовать нравственно-честныхъ
поступковъ; ради друзей мы должны поступать нравствен-
но честно, не ожидая даже, пока попросятъ; всегда долж-
но быть къ этому живое расположеніе, не должно быть мѣш-
канья, а давать совѣты мы должны рѣшаться смѣло. Больше
всего значенія въ дружбѣ должно имѣть уваженіе къ нрав-
ственно-хорошему совѣту друзей, и для увѣщеваній должно
дѣйствовать не только открыто, но даже настойчиво, если
это нужно будетъ, и этому должно повиноваться.

Странны что ли, какъ-то сказать, мысли извѣстныхъ фило-
софовъ, именуемыхъ въ Греціи мудрецами,—у нихъ впрочемъ
все основано на остроуміи—что должно избѣгать слишкомъ

тѣсной дружбы, чтобы не пришлось одному безпокоиться за многихъ: слишкомъ и даже болѣе чѣмъ достаточно каждому заботы о своемъ, и что тяжело слишкомъ впутываться въ чужія дѣла; что удобнѣе всего стоять въ болѣе свободныхъ дружественныхъ отношеніяхъ, которыя по желанію можно натянуть или отпустить: ибо главное условіе для счастливой жизни—спокойствіе, которымъ не можетъ наслаждаться духъ, если, такъ сказать, онъ одинъ мучится за многихъ. Говорятъ, что другіе высказываютъ мысли еще болѣе далекія отъ человѣческой природы—этого я уже раньше вкратцѣ коснулся—именно, что къ дружбѣ должно стремиться изъ видовъ защиты и помощи, а не въ силу расположенія и любви: чѣмъ кто менѣе имѣетъ устойчивости и силы, тѣмъ болѣе онъ стремится къ дружбѣ; изъ этого выходитъ, что женщины больше ищутъ защиты въ дружбѣ, чѣмъ мужчины, бѣдные болѣе, чѣмъ богатые, несчастные болѣе, чѣмъ тѣ, которые считаютъ себя счастливыми. О превосходная мудрость! Уничтожающіе дружбу изъ жизни, лучше и пріятнѣе которой мы не имѣемъ дара отъ безсмертныхъ боговъ, кажется, уничтожаютъ солнце изъ міра. Какое такое это спокойствіе? Съ виду привлекательное, но на самомъ дѣлѣ во многихъ отношеніяхъ отвергаемое. Несогласно съ здравымъ смысломъ не предпринимать нравственно-честнаго дѣла или предпринятое оставить, чтобы не безпокоиться. Поэтому, если мы избѣгаемъ заботы, надо избѣгать и поступковъ по принципамъ человѣчности, при которыхъ непремѣнно должно съ извѣстнаго рода заботой презирать или ненавидѣть вещи, имъ противоположныя, какъ при добротѣ злонамѣренность, при воздержаніи—необузданность, при храбрости—трусость. Итакъ ты видишь, что люди справедливые испытываютъ боль отъ дѣлъ несправедливыхъ, храбрые - отъ поступковъ трусливыхъ, воздержные—отъ поступковъ нравственно слабыхъ. Слѣд., духу хорошо поставленному, свойственно радоваться хорошему, скорбѣть—отъ противнаго. Поэтому, если приключится съ мудрецомъ душевная боль—а она конечно случится, если мы

не предположимъ, что изъ его души вырвало все человѣческое, — какой мотивъ будетъ для насъ съ корнемъ уничтожить изъ жизни дружбу, чтобы не испытывать изъ-за нея такихъ тяжелыхъ состояній? Съ уничтоженіемъ душевныхъ волненій, какая будетъ разница—не скажу ужъ между скотомъ и человѣкомъ,—но между человѣкомъ и пнемъ или камнемъ, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ?

Не надо слушать и тѣхъ, которые настаиваютъ на томъ, что принципы человѣчности состоятъ въ твердомъ и какъ бы желѣзномъ характерѣ; во многомъ и особенно въ дружбѣ они нѣжны и уступчивы, такъ что сердце отъ счастья друга какъ бы расширяется, отъ несчастій—сжимается. Поэтому, то безпокойство, которое часто надо принимать изъ-за друга, не имѣетъ столько значенія, чтобы уничтожить изъ жизни дружбу, и не болѣе, чѣмъ чтобы уничтожить принципы человѣчности за то, что они доставляютъ намъ нѣкоторыя заботы и безпокойства.

XIV.

Польза въ дружбѣ.

Такъ какъ узы дружбы порождаетъ, какъ я выше сказалъ, проявляющійся признакъ принциповъ человѣчности отъ того, что къ нимъ близко подходитъ подобная душа, то разъ это случится, необходимо должна появиться любовь. Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ находить наслажденіе въ безсодержательныхъ формахъ, какъ почести, славѣ, зданіи, одеждѣ, красотѣ тѣлесной,—и вовсе не находить удовольствія въ живомъ существѣ, одаренномъ принципами человѣчности, въ томъ, которое можетъ любить и, такъ сказать, платить любовью? Ничего нѣтъ пріятнѣе воздаянія благорасположенія или взаимности искреннихъ услугъ. Дальше, если прибавить къ этому еще то, что можно прибавить совершенно правильно, что нѣтъ ничего, что бы такъ сильно что-нибудь влекло къ себѣ, какъ сходство къ дружбѣ, то придется сдѣлать,

конечно, совершенно правильную уступку, что нравственно-честные любятъ нравственно-честныхъ и принимаютъ ихъ въ свой кругъ, точно соединенныхъ родствомъ и самой природой. Нигдѣ нѣтъ такого слѣпого и жаднаго стремленія къ подобнымъ себѣ, какъ въ природѣ. Потому, Фанній и Сцевола, не должно, какъ мнѣ кажется, подлежать сомнѣнію, что у нравственно-честныхъ къ нравственно-честнымъ благорасположеніе есть, такъ сказать, непремѣнное отношеніе, а этотъ источникъ дружбы исходитъ отъ природы. Но эта же самая нравственная честность касается толпы. Этотъ принципъ касается всякаго человѣка вообще, онъ исполняетъ обязанности любви къ человѣку, онъ не возносится предъ другими, онъ даже охраняетъ цѣлые народы, горячо заботится объ нихъ, чего онъ не дѣлалъ бы, если бы чуждался любви къ толпѣ. Кромѣ того, что касается меня, то мнѣ кажется, что тѣ, которые придумываютъ дружбу ради пользы, уничтожаютъ самую пріятную связь въ дружбѣ. Удовольствіе доставляетъ не польза, полученная отъ друга, а самая любовь друга, затѣмъ то, что получается отъ друга, бываетъ пріятно, если оно получается при усердіи, да и за дружбу держатся не тѣ, которые безпомощны сами, а напротивъ тѣ, которые менѣе всего нуждаются въ помощи, средствахъ, особенно же превосходствахъ другого, въ чемъ и состоитъ главная опора, они-то наиболѣе и оказываютъ щедрости и благодѣянія. Да и я, право, не знаю, едва ли нужно, чтобы у друзей никогда ни въ чемъ рѣшительно не было недостатка. Гдѣ нашло бы примѣненіе мое расположеніе, если бы Сципіонъ никогда ни въ мирное, ни въ военное время не оказался бы въ нуждѣ въ моемъ совѣтѣ или помощи? Изъ этого выходитъ, что не за пользой идетъ дружба, а за дружбой польза.

XV.

Слѣдовательно, никогда не нужно будетъ слушать людей, утопающихъ въ роскоши, когда они будутъ разсуждать о дружбѣ, о которой не имѣютъ понятія, ни по жизни, ни

по теоріи. Скажите, ради боговъ, есть ли кто такой, кто пожелалъ бы обладать всѣми средствами и жить въ полномъ довольствѣ чтобы никого не любить и не быть никѣмъ любиму? Такова жизнь тирановъ; конечно, гдѣ нѣтъ ни къ кому довѣрія, ни къ кому любви и привязанности, увѣренности въ прочности благорасположенія, всюду подозрѣніе, безпокойство, тамъ для дружбы нѣтъ мѣста. Конечно, кто полюбитъ того, кого боится, или того, кто, онъ полагаетъ, его боится? Однако къ нимъ есть уваженіе, но только внѣшнее, временное. Поэтому, если, какъ большею частію бываетъ, они вдругъ падутъ, тогда дѣлается понятнымъ, какъ бѣдны они были друзьями. Есть разсказъ, что Тарквиній говорилъ это, именно, что уже въ изгнаніи онъ понялъ, какіе изъ друзей были у него вѣрные, и какіе—невѣрные, когда онъ не могъ уже оказать благодарности ни тѣмъ, ни другимъ. Мнѣ впрочемъ удивительно, какъ онъ могъ имѣть кого-нибудь въ числѣ друзей при такой гордости и дерзости. И какъ характеръ того, кого я сейчасъ назвалъ, не могъ пріобрѣсти ему вѣрныхъ друзей, такъ и средства многихъ могущественныхъ людей исключаютъ возможность вѣрной дружбы. Не только сама фортуна слѣпа, она дѣлаетъ большею частію слѣпыми и тѣхъ, кого она полюбила. Они часто дѣлаются чванливыми и упрямыми, такъ что ничего не можетъ быть невыносимѣе счастливаго глупца. Это можно видѣть на томъ, что тѣ, которые прежде были уживчиваго характера, мѣнялись, получивши какую-нибудь власть или отъ удачъ, они пренебрегали старыми друзьями, отдавались новымъ. А что можетъ быть глупѣе, какъ имѣя деньги, средства, возможность запасаться тѣмъ, что пріобрѣтается на деньги, лошадьми, слугами, красивой одеждой, драгоцѣнными вазами, а не запасаться друзьями, самой лучшей и красивой, такъ сказать, принадлежностью жизни? Запасаясь остальнымъ, они не знаютъ, для кого запасаются, и для кого работаютъ, все это принадлежитъ тому, кто сильнѣе; въ дружбѣ же каждый владѣетъ своимъ прочно и опредѣленно. Поэтому,

если бы было на лицо то, что представляетъ собой, такъ сказать, дары судьбы, однако пустая и лишенная друзей жизнь не можетъ быть пріятна. Но объ этомъ довольно.

XVI.

Граница въ дружбѣ.

Нужно теперь установить предѣлы дружбы и, такъ сказать, границы, до которыхъ можетъ простираться любовь. Я знаю объ этомъ три мнѣнія и ни одного изъ нихъ не одобряю: первое—мы должны быть расположены къ другу такъ, какъ расположены къ себѣ самимъ; второе—наше благорасположеніе къ друзьямъ должно соотвѣтствовать въ равной и одинаковой степени ихъ благорасположенію къ намъ; третье—каждый долженъ цѣниться другомъ такъ, какъ цѣнитъ онъ самъ себя. Ни съ однимъ изъ этихъ трехъ мнѣній я рѣшительно не согласенъ. Первое, чтобы мы были расположены къ друзьямъ, какъ къ самимъ себѣ, не вѣрно. Какъ много есть поступковъ, которыхъ мы никогда не сдѣлали бы ради самихъ себя, а дѣлаемъ ради друзей! обратиться съ просьбой къ человѣку недостойному, умолять, строже напасть на кого-нибудь и настойчивѣе преслѣдовать его—что для насъ не совсѣмъ нравственно-честно, для друзей—въ высшей степени; есть много вещей, гдѣ нравственно-добрые люди дѣлаютъ или позволяютъ дѣлать уступки изъ своихъ выгодъ, чтобы ими пользовались лучше друзья, чѣмъ они сами.—Другой взглядъ опредѣляетъ дружбу, какъ равныя и добровольныя обязанности. Слишкомъ ужъ ничтожно и бѣдно дѣлать счеты въ дружбѣ, чтобы равно было то, что получается и дается. Богаче и содержательнѣе кажется мнѣ истинная дружба, не наблюдающая зорко, чтобы не дать больше, чѣмъ получилъ: не надо бояться, чтобы что-нибудь не просыпалось черезъ край и не потекло на землѣ, или чтобы не оказать въ дружбѣ чувства больше, чѣмъ слѣдуетъ. А третьи рамки для дружбы хуже всего: чтобы цѣниться другомъ такъ, какъ каждый цѣнитъ самъ себя. Часто случается у нѣкоторыхъ или духъ бываетъ слабъ или надежда на увеличеніе счастія не прочна. Стало-быть несвойственно другу относиться къ другу такъ же, какъ къ самому себѣ, но скорѣе онъ долженъ стараться изо всѣхъ силъ поднять низкій уровень духовной жизни друга, возбудить въ немъ надежду, дать ему лучшее настроеніе.

Итакъ надо дать другое опредѣленіе истинной дружбы; оно будетъ понятно, если я прежде скажу, на что особенно обыкновенно нападалъ Сципіонъ. Онъ говорилъ, что нельзя найти опредѣленія болѣе несогласнаго съ понятіемъ дружбы, какъ опредѣленіе, что любить надо такъ сильно, какъ сильно когда ненавидѣлъ бы, и что потому онъ не можетъ повѣрить, чтобы это, какъ думали, сказано было Біасомъ, мудрецомъ изъ числа семи; эта мысль принадлежитъ лицу низкому, или тщеславному, постоянно имѣющему въ виду свою силу. Какимъ образомъ кто-нибудь можетъ быть другомъ тому, кому, онъ думаетъ, можетъ сдѣлаться врагомъ? Тогда необходимо будетъ выжидать, чтобы какъ можно чаще дѣлалъ проступки другъ, чтобы онъ давалъ ему больше поводовъ, къ чему бы можно было, такъ сказать, прицѣпиться и порицать; и наоборотъ правильные и, слѣдовательно, выгодные поступки для друзей необходимо должны будутъ доставлять страхъ и безпокойство, вызывать чувство скорби и ненависти. Потому это правило, кому бы оно ни принадлежало, имѣетъ значеніе для уничтоженія дружбы, нужно дать скорѣе такое наставленіе, что въ завязываньи дружбы мы должны употреблять такое вниманіе, чтобы не начать любить того, кого когда-нибудь могли бы возненавидѣть. Даже если бы мы были менѣе счастливые въ любви, то Сципіонъ полагалъ, что мы должны скорѣе переносить это, чѣмъ думать о времени вражды.

XVII.

По моему мнѣнію, нужно держаться такого опредѣленія, что если нравы друзей совершенны, тогда во всемъ безъ ис-

ключенія у нихъ будетъ сходство полное въ намѣреніяхъ, въ желаніяхъ, такъ что даже, если бы когда-нибудь случилось помогать другу въ желаніяхъ менѣе справедливыхъ, гдѣ бы дѣло шло о чести или о доброй славѣ, нужно бываетъ сойти съ прямого пути, лишь бы не было слѣдствіемъ этого слишкомъ позорныхъ явленій; есть граница, до которой можно дѣлать уступку дружбѣ. Во всякомъ случаѣ не надобно пренебрегать молвой, и благорасположеніе гражданъ, которое позорно пріобрѣтать лестью и потаканьемъ, не должно считать ничтожнымъ орудіемъ для веденія дѣла: и вовсе не надо отвертываться отъ принциповъ человѣчности, за которой слѣдуетъ привязанность и любовь. Но (часто я возвращаюсь къ Сципіону, кому и принадлежитъ вся рѣчь о дружбѣ) онъ жаловался, что люди обращаютъ больше вниманія на всякое дѣло: они могутъ сказать, сколько у кого козъ и овецъ, а сколько у кого друзей, сказать не могутъ; къ пріобрѣтенію ихъ они прилагаютъ заботы, а въ выборѣ друзей они небрежны, и у нихъ нѣтъ, такъ сказать, принциповъ и примѣтъ, по которымъ они различали бы способныхъ къ дружбѣ. Нужно стало быть выбирать людей положительныхъ, постоянныхъ, твердыхъ, въ чемъ большой недостатокъ; не испытавши, объ этомъ трудно, конечно рѣшить; а испытывать надо въ самой дружбѣ: такимъ образомъ дружба предшествуетъ сужденію и уничтожаетъ возможность испытанія.

Слѣд., человѣку осторожному свойственно сдерживать порывы благорасположенія, какъ бѣгъ коней, чтобы пользоваться этимъ — т.-е. какъ выѣзжанными конями, такъ и дружбой, узнавши до нѣкоторой степени нравы друзей. Легкость отношенія нѣкоторыхъ часто ясно распознается на небольшихъ деньгахъ, а иные, которыхъ не могла тронуть небольшая сумма денегъ, узнаются на количествѣ большомъ. Если же и найдутся какіе-нибудь, которые сочтутъ за низость предпочитать деньги дружбѣ, гдѣ найти тѣхъ, которые не предпочтутъ дружбѣ почести, службу, власть военную и гражданскую, вліяніе, такъ что если съ одной стороны предложить

имъ это, а съ другой—права дружбы, едва ли они не предпочтутъ скорѣе то? Безсильна природа для презрѣнія силы: даже если пренебрегши дружбой, они обратятся къ ней, они думаютъ, что это будетъ незамѣтно, потому что они пренебрегли дружбой не безъ большой причины. Такимъ образомъ, трудно найти истинную дружбу въ тѣхъ, которые идутъ по пути государственныхъ почестей. Гдѣ найдешь такого, который ставилъ бы положеніе друга выше своего? Не говоря уже объ этомъ, какъ тягостнымъ и тяжелымъ кажется большинству раздѣленіе несчастій? не легко найти такихъ, которые согласятся на это. Хотя Энній и правильно говоритъ: вѣрность друга оказывается въ затруднительныхъ дѣлахъ; однако оба эти случая большею частію изобличаютъ легкость и непостоянство отношеній: или при неудачѣ пренебрегаютъ, или при удачѣ покидаютъ, такъ что кто оказался въ томъ и другомъ отношеніи серьезнымъ, постояннымъ и твердымъ, того мы должны причислить къ рѣдкому роду людей и почти-что божественному.

XVIII.

Принципъ дружбы.

Основа же для той твердости и постоянства, которыя мы ищемъ въ дружбѣ, есть довѣріе. Ничего не можетъ быть устойчиваго, гдѣ нѣтъ довѣрія. Слѣдуетъ выбирать человѣка искренняго, откровеннаго, участливаго, т.-е. такого, который бы могъ испытывать одинаковыя впечатлѣнія; все это имѣетъ отношеніе къ довѣрію. Характеръ скрытый и неоткровенный не можетъ быть вѣрнымъ; не можетъ быть вѣрнымъ и постояннымъ и тотъ, кто различно ощущаетъ и различно чувствуетъ. Къ этому надо прибавить, чтобы ему не доставляло удовольствія въ обвиненіи и чтобы онъ не вѣрилъ имъ; это все касается того постоянства, о которомъ я говорилъ уже. Такъ что вѣрно положеніе, высказанное мною въ началѣ, что дружба можетъ быть только между нравственно-честными.

Нравственно-честный человѣкъ, котораго можно тоже назвать мудрымъ, долженъ держаться двухъ слѣдующихъ принциповъ въ дружбѣ: во-первыхъ, чтобы не было вымысла и притворства: благородный человѣкъ долженъ скорѣй открыто ненавидѣть, чѣмъ скрывать въ себѣ эту мысль: затѣмъ не только отвергать всякія обвиненія, но и самому даже не быть подозрительнымъ, подозрѣвая постоянно друга въ нарушеніи его обязанностей. Къ этому должно присоединиться пріятность рѣчи и характера, прибавка къ дружбѣ отнюдь не маловажная. Мрачное и всегда серьезное настроеніе соединено съ нѣкотораго рода важностью; отношенія же дружбы должны быть просты, свободны, пріятны и связаны съ лаской и доступомъ.

XIX.

Но здѣсь возникаетъ такого рода нѣсколько трудный вопросъ, нужно ли когда-нибудь предпочитать новыхъ друзей, достойныхъ дружбы, старымъ, какъ обыкновенно мы предпочитаемъ молодыхъ лошадей старымъ, — сомнѣніе, недостойное человѣка; въ дружбѣ, какъ въ другихъ вещахъ, не должно быть пресыщенія; самая старая дружба, какъ старое вино, должна быть самою пріятною: вѣрна пословица: „много мѣръ соли нужно съѣсть вмѣстѣ, чтобы вполнѣ выполнить обязанности дружбы". Что касается новой дружбы, то если она подаетъ надежду на то, что отъ этого будетъ плодъ, какъ на растеніяхъ, и ея не надо отвергать, а старую сохранять на ея мѣстѣ: наибольшая сила—въ давности и привычкѣ. Даже и относительно коня, о которомъ я только-что упомянулъ, если нѣтъ никакихъ препятствій, то всякій охотнѣе будетъ пользоваться тѣмъ, къ которому привыкъ, чѣмъ новымъ и неиспробованнымъ; не только къ предметамъ одушевленнымъ имѣетъ значеніе привычка, но даже и къ неодушевленнымъ: на насъ производятъ пріятныя впечатлѣнія даже мѣстности, хотя бы гористыя и лѣсистыя, если мы тамъ долго пробыли.

Но самое важное въ дружбѣ—быть равнымъ съ низшимъ. Часто встрѣчаются выдающіяся личности, какъ напр. Сципіонъ въ нашей, такъ сказать, толпѣ. Онъ никогда не поставилъ себя выше Фила, Рупилія, Муммія, друзей низшаго сословія. А къ брату Кв. Максиму, личности во всякомъ случаѣ выдающейся, онъ отнюдь не относился какъ къ равному себѣ, но какъ къ высшему, потому что онъ былъ старше его годами, и хотѣлъ, чтобы всѣ его родные дѣлались выше черезъ него.

Дѣлать это и подражать этому надо всѣмъ; если кто достигнетъ превосходства въ нравственности, умѣ, счастіи, долженъ дѣлиться этимъ со своими и сообщать это ближайшимъ своимъ; если родители наши низкаго происхожденія, если близкіе наши слабы духомъ или бѣдны, мы должны увеличить ихъ благосостояніе, быть имъ въ честь и уваженіе: такъ въ легендахъ тѣ, кто были нѣкоторое время въ услуженіи, не зная о своемъ положеніи родовомъ и соціальномъ, когда обнаруживалось, что они дѣти боговъ или царей, продолжали любить пастуховъ, которыхъ много лѣтъ считали за отцовъ. Это надо дѣлать, конечно, въ гораздо большей степени по отношенію къ настоящимъ отцамъ. Плоды ума и нравственныхъ принциповъ и вообще всякаго превосходства бываютъ тогда самыми большими, когда приносятся близкому человѣку.

XX.

Какъ тѣ, которые, находясь въ дружбѣ и родствѣ, занимаютъ болѣе высокое положеніе, должны приравнивать себя съ низшими, такъ и низшіе не должны скорбѣть, что ихъ близкіе стоятъ выше ихъ или въ умственномъ, или въ имущественномъ, или въ общественномъ отношеніяхъ. Большинство ихъ или постоянно жалуется на что нибудь, или даже упрекаютъ и тѣмъ болѣе, если думаютъ, что они имѣютъ, что могутъ сослаться, что ими сдѣлано по долгу дружбы и съ нѣкоторымъ напряженіемъ силъ: противны тѣ люди, которые

попрекаютъ за свои услуги, которыя долженъ помнить тотъ, которому они оказаны, и не помнить тотъ, кто оказалъ. Поэтому какъ тѣ, кто выше, должны въ дружбѣ понижать себя, такъ и тѣ, кто — ниже, должны нѣкоторымъ образомъ подымать себя. Нѣкоторые дѣлаютъ дружбу тягостной, сами воображая, что они презираются: это обыкновенно случается съ тѣми, которые думаютъ, что ихъ даже надо презирать; съ нихъ надо снять тяжесть этой мысли не только словами, но и дѣломъ. Каждому надо воздавать столько, сколько вопервыхъ самъ сдѣлать можешь, а во-вторыхъ сколько можетъ принять тотъ, котораго ты любишь и которому помогаешь. Вѣдь ты не могъ бы, хотя бы ты и превосходилъ другихъ, всѣмъ своимъ дать самое высокое общественное положеніе, напр., Сципіонъ могъ сдѣлать консуломъ П. Рупилія, а брата его Луція — не могъ. Если даже ты можешь предоставить что-нибудь другому, нужно посмотрѣть, по силамъ ли это ему. Вообще же о дружбѣ надо судить тогда, когда разовьется умъ и возмужаютъ силы, а тѣ, кто въ дѣтскомъ возрастѣ имѣли страсть къ охотѣ или игрѣ въ мячъ, не должны считать друзьями тѣхъ, которые имѣли тогда одинаковую страсть. На этомъ основаніи кормилицы и учителя будутъ требовать на правахъ давности любви больше всего благорасположенія. Ихъ конечно не надо презирать, но...... иначе дружба не можетъ быть прочна. Разность въ характерѣ имѣетъ слѣдствіемъ разность стремленій, а разность стремленій разъединяетъ дружбу и только по той единственной причинѣ нравственно-хорошіе не могутъ быть друзьями нечестнымъ, а нечестные — нравственно-хорошимъ, что разница въ ихъ характерѣ и, слѣдовательно, стремленіяхъ такъ велика, какъ только можетъ быть. Далѣе, правильнымъ можно также считать положеніе въ дружбѣ, что излишняя, такъ сказать, благосклонность, не должна мѣшать пользѣ друзей, что часто случается. Напр., я опять возвращаюсь къ легендамъ: Неоптолемъ не могъ бы взять Трои, если бы онъ захотѣлъ послушать Ликомеда твоего воспитателя, съ горькими слезами удержавшаго его отъ его пути.

И часто навертываются важные случаи, что надо удаляться отъ друзей; кто хочетъ препятствовать имъ, потому что не легко выдержать разлуку, тотъ не твердъ и нѣженъ, а потому самому мало справедливъ въ дружбѣ. И во всякомъ дѣлѣ надо смотрѣть, чего требуешь отъ друга, и какимъ требованіямъ отъ тебя можешь удовлетворять.

XXI.

Есть извѣстнаго рода непріятность въ разставаніи съ другомъ, иногда необходимая: далѣе рѣчь наша спускается съ вопросовъ о тѣсной дружбѣ мудрецовъ къ обыкновеннымъ дружбамъ. Пороки друзей часто падаютъ на самихъ друзей, то на другихъ, безславіе которыхъ однако падаетъ на друзей. Отъ такихъ дружбъ надо устранятся прекращеніемъ знакомства, и, какъ, я слышалъ, говорилъ Катонъ, ихъ нужно скорѣе расшивать, чѣмъ разрывать, если не явится при этомъ вдругъ вполнѣ невыносимая несправедливость, такъ чтобы не было и не могло быть несогласнымъ съ правилами благородства и чести моментальное отчужденіе и разрывъ. Если же случится какая-нибудь перемѣна въ характерѣ или во взглядахъ, какъ обыкновенно бываетъ, или выйдетъ разногласіе въ вопросахъ государственной службы, — я говорю теперь, какъ сказалъ выше, не о дружбѣ мудрецовъ, а объ явленіяхъ обыденной дружбы — то нужно остерегаться, какъ бы не оказалось, что не только оставлена дружба, но даже начата вражда. Нѣтъ ничего противнѣе доброй чести, какъ вести войну съ тѣмъ, съ кѣмъ жилъ въ дружбѣ. Отъ дружбы съ Помпеемъ Сципіонъ, какъ вы знаете, устранился изъ-за меня; изъ-за разногласія въ дѣлахъ государственныхъ, онъ чуждался коллеги нашего, Метелла, но тотъ и другой поступокъ его былъ серьезенъ, сдержанъ и неоскорбителенъ. Поэтому прежде всего надобно стараться, чтобы между друзьями не было разрыва, если же таковой случится, то кажется лучше надо потушить чувство дружбы, чѣмъ силой подавить. И надо осте-

регаться, чтобы дружба не обратилась въ жестокую вражду, изъ которой происходятъ ссора, брань, поношенiе. Однако, если можно ихъ вынести, то надо выносить и старой дружбѣ надо воздать эту честь, такъ что виноватъ будетъ тотъ, кто дѣлаетъ несправедливость, а не тотъ, кто терпитъ ее.

Осторожность въ выборѣ друга.

Противъ всѣхъ вообще этихъ ненормальныхъ явленiй и неудобствъ можетъ быть только одна предусмотрительная осторожность — не начинать слишкомъ скоро вообще любить или любить лицъ недостойныхъ. Дружбы достойны тѣ, въ которыхъ самихъ лежитъ основанiе любви: явленiе рѣдкое; и, конечно, все хорошее — рѣдко, и нѣтъ ничего труднѣе какъ найти что-нибудь всесторонне въ своемъ родѣ совершенное. Но большинство въ человѣческихъ отношенiяхъ за хорошее принимаютъ только выгодное, и изъ друзей, какъ въ животныхъ, любятъ больше тѣхъ, отъ которыхъ ожидаютъ получить наибольшiя выгоды. Такимъ образомъ они лишены самыхъ прiятныхъ и вполнѣ естественныхъ отношенiй дружбы, къ которой стремятся ради нея самой, и они не берутъ въ примѣръ сами себя, чтобы узнать, какого качества и какъ велика эта сила дружбы: каждый любитъ самъ себя не потому, что онъ ждетъ отъ себя какой-нибудь награды за свою любовь, но потому, что каждый — самъ себѣ прiятенъ за сознанiе достоинства; если этого не перенести въ дружбу, то истинный другъ никогда не найдется: онъ тотъ, кто есть какъ бы второй я. Если это замѣтно на животныхъ, летающихъ, плавающихъ, живущихъ въ поляхъ, ручныхъ и дикихъ, во-первыхъ, что они любятъ самихъ себя, — это зарождается вмѣстѣ съ всякимъ живымъ существомъ — затѣмъ они безсознательно выискиваютъ, съ какими бы живыми существами того же рода сойтись имъ, и притомъ дѣлаютъ это со страстью и въ извѣстномъ отношенiи сходствомъ съ человѣческой любовью; то насколько же больше происходитъ это отъ природы въ

человѣкѣ, который и самъ себя любитъ и ищетъ другого, чью душу онъ такъ соединилъ бы съ своею, чтобы сдѣлать почти одну изъ двухъ.

XXII.

Нормальныя отношенiя дружбы.

Но нѣкоторые превратно, чтобы не сказать безсовѣстно, требуютъ въ лицѣ друга такого человѣка, какимъ сами быть не могутъ, и чего сами требуютъ отъ нихъ, того не дѣлаютъ друзьямъ. Но идея справедливости требуетъ быть прежде всего самому человѣкомъ нравственно-честнымъ, затѣмъ уже искать другого, подобнаго себѣ. Между такими людьми можетъ укрѣпиться прочная дружба, о которой мы прежде говорили, потому что люди, соединенные взаимнымъ благорасположенiемъ, будутъ во-первыхъ сдерживать тѣ страсти, которымъ служатъ остальные, затѣмъ цѣлью ихъ отношенiй будетъ равенство и справедливость, отчего они все будутъ дѣлать другъ за друга, и будутъ требовать другъ отъ друга поступковъ, согласныхъ съ честью и справедливостью, и не только они будутъ относиться другъ къ другу съ уваженiемъ и любовью, но даже будутъ бояться другъ друга оскорбить. Уничтожая изъ дружбы чувство страха изъ уваженiя, уничтожаютъ лучшее украшенiе дружбы. Такимъ образомъ гибельно заблужденiе тѣхъ, которые думаютъ, что въ дружбѣ дозволяется всякое своеволiе и всякiй проступокъ. Въ помощницы принциповъ человѣчности дана природой дружба, а не въ спутницы порока, для того чтобы принципы человѣчности, которые, изолированные, не въ состоянiи достигнуть высокихъ цѣлей, достигли этого въ связи и союзѣ съ другими. Между кѣмъ есть, была или будетъ эта связь, то сообщество это надобно считать наилучшимъ и наиудобнымъ для достиженiя высшаго блага. Вотъ, говорю я, общество, гдѣ заключается все, къ чему люди считаютъ нужнымъ стремиться: честь, слава, покой и прiятное состоянiе духа, такъ что при су-

ществовании ихъ и жизнь счастлива, а безъ нихъ и жизни быть не можетъ. Если же это лучше и важнѣе всего и если мы этого хотимъ достигнуть, то надо заботиться о принципахъ человѣчности, безъ которыхъ ни дружбы нельзя достигнуть, ни чего другого, достойнаго стремленія: если же пренебрегаютъ ей, то тѣ, которые думаютъ, что они имѣютъ друзей, тогда только чувствуютъ, что они ошиблись, когда какое нибудь тяжкое несчастіе заставляетъ испытать ихъ. Поэтому—это приходится часто повторять—нужно полюбить тогда, когда разберешь человѣка, а не разбирать тогда, когда полюбишь. Но какъ во многихъ дѣлахъ мы вредимъ себѣ небрежностью, такъ особенно въ выборѣ и уваженіи друзей; у насъ являются цѣли по окончаніи дѣлъ и мы беремся за дѣла, когда они окончены, а это запрещается старой пословицей. Именно придя въ тѣсное соединеніе другъ съ другомъ отъ долгой связи или даже отъ услугъ, вдругъ въ самомъ разгарѣ дружественныхъ чувствъ мы разрываемъ дружбу вслѣдствіе какой-нибудь обиды.

XXIII.

Важное значеніе дружбы.

Поэтому тѣмъ болѣе надо порицать такую безпечность въ дѣлѣ столь необходимомъ. Въ человѣческихъ отношеніяхъ есть одна только дружба, о пользѣ которой, въ принципѣ, согласны всѣ въ одно слово. Правда многіе презираютъ самые принципы человѣчности и называютъ это хвастовствомъ и чванствомъ; многіе презрительно смотрятъ на богатство, которые довольствуются малымъ и находятъ удовольствіе въ простомъ образѣ жизни и обстановкѣ, а почести, страстью къ которымъ пылаютъ нѣкоторые, какъ многіе презираютъ до того, что думаютъ, что въ этомъ нѣтъ ничего безсодержательнѣе и легкомысленнѣе! точно также весьма многіе за ничто считаютъ то, что для другихъ составляетъ предметъ удивленія. О дружбѣ же всѣ до одного думаютъ одинаково и

тѣ, которые обратились къ дѣламъ государственнымъ, и тѣ, которые находятъ удовольствіе въ распознаваніи вещей, т.-е. въ наукѣ, и тѣ, которые на досугѣ дѣлаютъ свое дѣло, наконецъ тѣ, которые всецѣло отдались наслажденіямъ, именно, что безъ дружбы нельзя вести жизнь, если хотятъ вести ее въ извѣстномъ отношеніи благородно.

Незамѣтно какъ-то подкрадывается дружба въ жизнь ко всѣмъ и не позволяетъ никакому роду веденія жизни оставаться безъ нея. Даже тотъ, кто такого жесткаго и неуживчиваго характера, что избѣгаетъ сходиться съ людьми и даже ненавидитъ ихъ, какимъ былъ въ Аѳинахъ, какъ мы знаемъ, какой-то Тимонъ, все-таки не можетъ вытерпѣть, чтобы не искать кого-нибудь, предъ кѣмъ онъ изливалъ бы ядъ своей горечи. Это вполнѣ было бы признано, если бы могло случиться что-нибудь въ родѣ того, что какой-нибудь богъ выхватилъ бы насъ изъ толпы людской и помѣстилъ бы въ какой-нибудь пустынѣ и тамъ доставляя намъ въ полномъ изобиліи все, чего требуетъ наша природа, отнялъ бы у насъ совсѣмъ возможность видѣть человѣка. Кто былъ бы такъ безчувственъ, что могъ бы вести эту жизнь и чтобы одиночество не отравляло ему плоды всѣхъ наслажденій? Слѣд., вѣрно то мнѣніе, которое, я слышалъ, старики наши помнятъ слышанное ими отъ другихъ стариковъ, которое обыкновенно высказывалъ тарентинецъ Архитъ: „если бы кто-нибудь взошелъ на небо и оттуда увидалъ бы природу міра и красоту звѣздъ, непріятнымъ было бы ему это удивленіе: оно сдѣлалось бы очень пріятнымъ, если бы онъ имѣлъ человѣка, кому разсказать“. Такъ природа не любитъ ничего одинокаго, и всегда опирается на какую-нибудь какъ бы подпору, которая тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ расположеннѣе къ ней.

XXIV.

Обязанности друзей.

Хотя природа столькими знаками показываетъ, чего она хочетъ, ищетъ, желаетъ, однако мы остаемся глухи почему-

то, и не слышимъ ея увѣщеваній. Многообразенъ и многосторонен опытъ дружбы: въ немъ много поводовъ къ подозрѣніямъ и оскорбленіямъ, избѣгать, облегчать, переносить которыя — дѣло мудреца. Одно столкновеніе нужно терпѣть, чтобы сохранить въ дружбѣ и пользу и вѣрность: друзьямъ часто надо дѣлать наставленія и выговоры и это нужно принимать благосклонно, когда это дѣлается изъ расположенія. Но почему-то вѣрны слова моего друга, сказанныя имъ въ Андріи: „уступчивость рождаетъ дружбу, правда—ненависть". Непріятна правда, изъ нея рождается ненависть, ядъ дружбы; но гораздо непріятнѣе уступчивость, потому что, снисходительная къ проступкамъ, она позволяетъ выносить паденіе друга. Величайшая вина лежитъ на томъ, который такъ противится правдѣ и отъ уступчивости вовлекается въ заблужденіе. Во всемъ этомъ надо разсчитывать и стараться, чтобы убѣжденія были безъ жестокости, выговоры — безъ оскорбленія. При уступчивости, я охотно беру слово Теренція, должно быть ласковое обращеніе, но должно быть далеко удалено одобреніе, помощница пороковъ, не достойное не только друга, но даже человѣка благороднаго вообще: иначе живутъ съ тираномъ, иначе съ другомъ. Чей слухъ закрытъ для правды, такъ что онъ не можетъ слышать правды отъ друга, надо отложить надежду на спасеніе его. Извѣстно выраженіе Катона: „иногда жесткіе недруги скорѣй окажутъ кому-нибудь услугу, чѣмъ друзья, которые кажутся нѣжными; тѣ часто говорятъ правду, эти — никогда". Безразсудно и то, что тѣ, которыхъ убѣждаютъ, не выносятъ той непріятности, какую должны вынести, и выносятъ ту, какой не должны выносить. Ихъ не тревожитъ то, что они сдѣлали проступокъ, имъ непріятно выносить выговоръ; слѣдовало бы наоборотъ: скорбѣть отъ проступка, и радоваться исправленію.

XXV.

Итакъ, такъ какъ истинной дружбѣ свойственно убѣждать и быть убѣждаему, и первое дѣлать свободно, но не жестко, второе принимать терпѣливо и съ охотой, то поэтому нужно считать, что для дружбы нѣтъ язвы болѣе вредной, какъ льстивость, ласковость, уступчивость; хотя этотъ порокъ людей легкомысленныхъ и льстивыхъ можно обозначить многими именами, это зависитъ отъ воли говорящихъ и для сути дѣла все равно. Во всякомъ дѣлѣ притворство порочно—оно отнимаетъ сужденіе истиннаго и даже искажаетъ его, — такъ особенно оно не согласуется съ дружбой: оно уничтожаетъ искреннія отношенія, безъ которыхъ имя дружбы не можетъ имѣть значенія. Тогда какъ идея дружбы состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать, такъ сказать, одну душу изъ многихъ, какъ это можетъ быть, если въ одномъ даже лицѣ не будетъ духа, всегда тождественнаго самому себѣ, но разнообразный, измѣнчивый, многосторонній? Что можетъ быть измѣнчивѣе, непостояннѣе, какъ духъ того, который поддѣлывается не только подъ чувства и желанія другого, но даже и къ выраженію лица и кивку головы? „Если отрицаетъ кто, и я отрицаю, если утверждаетъ, и я утверждаю; наконецъ я велѣлъ себѣ во всемъ соглашаться", какъ говоритъ тотъ же Теренцій, но въ лицѣ Гнаѳона, такого рода друзей имѣть вполнѣ безразсудно. А такъ какъ многіе похожи на Гнаѳоновъ, превосходя ихъ родомъ, положеніемъ, именемъ, то уступчивость ихъ непріятна, такъ какъ къ пустотѣ присоединилась еще важность. При тщательномъ разсматриваніи можно отличить и распознать льстиваго друга отъ вѣрнаго, какъ вообще ложное и притворное отъ искренняго и истиннаго. Сходка, состоящая изъ людей, вполнѣ неопытныхъ, однако обыкновенно разбираетъ разницу между предводителемъ партіи, т.-е. гражданиномъ уступчивымъ и легкомысленнымъ и между лицомъ твердыхъ убѣжденій, т.-е. гражданиномъ преслѣдующимъ справедливыя цѣли и серьезнымъ. Какими льстивыми словами подкрадывался къ сходкѣ Папирій, когда вносилъ законъ о возстановленіи плебейскихъ трибуновъ! Мы отсовѣтовали, но обо мнѣ нечего говорить, я съ бо́льшимъ удовольствіемъ поговорю о Сципіонѣ. Какая серьезность, ка-

кая важность въ рѣчи! такъ что легко счелъ бы его за вождя римскаго народа, а не за спутника. Ты былъ тамъ и рѣчь есть у тебя. Такимъ образомъ законъ благопріятный народу былъ отвергнутъ голосованіемъ народа. Что же касается меня, то вы помните, что въ консульство Кв. Максима, брата Сципіона, и Л. Манцина какъ благопріятенъ для народа казался законъ о жречествахъ Г. Лицинія Красса: кооптація коллегій переносилась на волю народа. Онъ первый рѣшилъ говорить на форумѣ съ народомъ стихами. Однако пріятную рѣчь его безъ труда побѣдило при нашей защитѣ уваженіе къ безсмертнымъ богамъ. Это произошло въ мое преторство, за 5 лѣтъ до консульства. Такимъ образомъ, это дѣло защищено было скорѣй дѣломъ, чѣмъ моимъ вліяніемъ.

XXVI.

Поэтому, если на сценѣ, т.-е. въ собраніи, въ которыхъ наибольшее мѣсто отводится явленіямъ вымышленнымъ и мнимымъ, имѣетъ однако силу правда, если только она открыта и разъяснена; что же должно быть въ дружбѣ, все содержаніе которой покоится на правдѣ? въ которой, если, какъ говорятъ, не увидишь искренняго сердца и не покажешь искренности своего, то не будешь имѣть искреннихъ и откровенныхъ отношеній, не говоря уже о томъ, чтобы любить или быть любиму, потому что ты не знаешь, какъ дѣлается это неподдѣльно. Правда, эта уступчивость какъ бы гибельна она ни была, можетъ однако вредить только тому, кому она дѣлается, и кто получаетъ отъ нея удовольствіе. Отъ того-то поддакивающимъ открываетъ свои уши тотъ, кто поддакиваетъ самъ себѣ и больше всего самъ доставляетъ себѣ удовольствія. Жизнь по принципамъ человѣчности вообще самолюбива, она знаетъ себѣ цѣну и понимаетъ, какъ она пріятна: я говорю не о фактическихъ принципахъ, но о воображеніи ихъ. Не столько есть одаренныхъ настоящей добродѣтелью, сколько желающихъ казаться таковыми. Имъ-то и доставляетъ удовольствіе уступчивость; когда ложная рѣчь направлена по

ихъ волѣ, то эту безсодержательную рѣчь они считаютъ доказательствомъ ихъ достойныхъ похвалы поступковъ. Это вовсе не дружба, когда одинъ не хочетъ слушать правды, а другой готовъ на ложь. Не будь „хвастливыхъ воиновъ“, и угодливость паразитовъ въ комедіяхъ намъ не казалась бы забавной. „Много ли благодаритъ меня Ѳаида?“ Достаточно было отвѣтить „много“; „очень много“ говоритъ: поддакивающій всегда увеличиваетъ то, что тотъ, съ чьей волей сообразуется рѣчь, хочетъ, чтобы было велико. Поэтому хотя эти безсодержательныя слова привлекаютъ и имѣютъ значеніе у тѣхъ, которые сами ихъ вызываютъ, однако надо предостеречь болѣе серьезныхъ и постоянныхъ людей, чтобы они смотрѣли, чтобы не запутаться въ хитрой угодливости. Лесть всякій видитъ сейчасъ же, кромѣ развѣ совсѣмъ безумнаго; надо старательно смотрѣть, чтобы этотъ хитрецъ не пробрался незамѣтно. Очень трудно узнать его, потому что даже въ возраженіяхъ онъ поддакиваетъ и льститъ, притворяясь, что онъ споритъ, и наконецъ подаетъ руку, признавая себя побѣжденнымъ, такъ что тотъ, кто осмѣянъ, кажется, себѣ умнѣе. Что можетъ быть позорнѣе, какъ быть осмѣяну. Надо сильно стараться, чтобы это не случалось: „что бы ты провелъ меня хуже глупыхъ стариковъ въ комедіяхъ и жестоко насмѣялся“. И въ комедіяхъ даже этотъ самый глупый типъ есть типъ непредусмотрительныхъ и легковѣрныхъ стариковъ. Не знаю, какъ то незамѣтно рѣчь моя перешла отъ изложенія дружбы людей совершенныхъ, т.-е. мудрецовъ,—я говорю о мудрости, доступной человѣку,—къ разбору дружбы людей легкомысленныхъ. Поэтому вернемся сначала къ тому изложенію и закончимъ его наконецъ.

XXVII.

Связь въ дружбѣ.

Принципы, принципы человѣчности, говорю я, связываютъ и сохраняютъ дружбу: въ нихъ—согласіе, въ нихъ—прочность, въ нихъ—постоянство; когда они проявятся и покажутъ свой

свѣтъ и увидятъ и узнаютъ то же въ другомъ, они приблизятся къ нему и примутъ другъ отъ друга то, что есть въ другомъ, отсюда вспылаетъ или любовь, или дружба (amicitia). То и другое понятіе ведетъ свое начало отъ любви (amo): любить (amare) есть не что иное, какъ уважать того, кого любишь, безъ всякой нужды и безъ всякой пользы, она сама явится плодомъ дружбы, хотя бы ты ея и не искалъ. Такъ мы изъ расположенія уважали стариковъ Л. Павла, М. Катона, Г. Гала, П. Назику, Тиб. Гракха, тестя нашего Катона. Еще больше это проявляется на сверстникахъ, напр. на мнѣ и Сципіонѣ, Л. Фуріи, П. Рутиліи, Сп. Мумміи; теперь мы, старики, находимъ утѣшеніе въ любви юношей, какъ напр. въ вашей, какъ въ любви Кв. Туберона. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, доставляетъ удовольствіе дружба съ очень даже молодымъ П. Рутиліемъ, А. Вергиніемъ. А такъ какъ идея нашей жизни и нашей природы состоитъ въ томъ, чтобы изъ нашего поколѣнія произошло другое поколѣніе, то надобно болѣе всего желать, чтобы можно было съ своими сверстниками, съ одними и тѣми-же, съ которыми вышелъ сначала, дойти и до конца. Но такъ какъ человѣческая жизнь непрочна и преходяща, то надо искать кого-нибудь такого, кого бы любилъ и уважалъ и кто-бы насъ любилъ и уважалъ: уничтоживши въ жизни привязанность любви и благорасположенія, уничтожаешь все пріятное въ жизни. Для меня лично Сципіонъ, хотя онъ неожиданно и отнятъ у насъ, живъ и всегда будетъ живъ: я любилъ принципы человѣчности въ этомъ человѣкѣ,—они не угасли. И не у меня одного, который постоянно имѣлъ ихъ при себѣ постоянно передъ глазами; она будетъ свѣтить и бросаться въ глаза и потомству. Никогда ни у кого не будетъ ни надежды, ни намѣренія, чтобы не вызвать въ себѣ памяти о личности его.

Я, по крайней мѣрѣ, изъ всего, что мнѣ даровало счастіе или природа, не могу ничего сравнить съ дружбой Сципіона. Въ ней я находилъ совѣтъ и въ государственныхъ вопросахъ, въ ней я находилъ совѣтъ и въ частныхъ дѣлахъ, въ ней я

находилъ отдыхъ, полный удовольствія. Никогда ничуть не оскорбилъ я его, даже помысломъ, никогда не слыхалъ и отъ него того, чего я не хотѣлъ бы; одинъ былъ домъ, одинъ образъ жизни и даже общій, не только военная служба, но путешествія и деревенская жизнь—общія. Къ чему говорить о жаждѣ знаній всего и изученій, на что тратили мы, удалившись съ глазъ народа, все свободное время! Если бы и память объ этомъ погибла вмѣстѣ съ нимъ, то я не могъ бы никоимъ образомъ вынести отсутствіе самаго близкаго и любящаго друга. Но они не погибли, а скорѣй питаются и увеличиваются размышленіемъ и воспоминаніемъ, и, если бы я былъ лишенъ ихъ совершенно, самый возрастъ доставляетъ мнѣ большое наслажденіе: я не могу долго оставаться въ этой тоскѣ; все недолговременное должно быть выносимо; даже если оно важно.

Заключеніе.

Вотъ что я имѣлъ сказать о дружбѣ; васъ я убѣждаю считать принципы человѣчности такимъ условіемъ, безъ котораго не можетъ быть дружбы, и за исключеніемъ ихъ ничего не считайте лучше дружбы.